

БУДЬ МОИМ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МЭРИ РОЙС

18+

Мэри Ройс

Будь моим телохранителем

«Автор»

2023

Ройс М.

Будь моим телохранителем / М. Ройс — «Автор», 2023

— Все просто, Гектор. Ты лучший в своем деле. Она единственное, что у меня осталось, — мужчина говорит настолько серьезно, что я еле сдерживаюсь, чтобы не засмеяться ему в лицо.— И что вы мне можете предложить взамен? — Ты вправе просить все, что хочешь.— Все, что хочу? — Кривая ухмылка растягивает мои губы. — Какие громкие слова... Смотрите, не пожалейте потом о них._____Он — бывший военный, волк-одиночка, израненный телом и душой. Она — жертва в мире жестоких мужчин. Но их встреча в темном переулке меняет все.

© Ройс М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мэри Ройс

Будь моим телохранителем

Пролог

Мерф

Темный переулочек. Безлюдно и грязно. Сердце колотится с такой силой, что буквально выламывает ребра. С каждой секундой я все больше и больше погружаюсь в безумие. И в голове начинает играть назойливая мелодия, заглушая остальной мир.

Колыбельная... Ну почему она звучит в самые ужасные моменты?

Сквозь панику мне удастся разобрать отборный мужской мат. Ублюдки слишком близко. И, если они до меня доберутся, несложно догадаться, что сделают. Как же я ненавижу мужчин, которые только и думают о своих яйцах и члене!

Руки и ноги работают на пределе, пока я пересекаю переулочек за переулочком. Ярость беспомощности постепенно затмевает страх, оставляя лишь животные инстинкты. Воздух раздирает горло, выжигает легкие. Но я, как на автопилоте, отчаянно хватаю его глоток за глотком.

Меня всю трясет, а ладони покрылись холодным потом. Вот только останавливаться нельзя, потому что за мной несутся со всех ног три амбала. К черту эту жизнь. К черту эту дерьмовую жизнь!

Внезапно все сбивчивые мысли обрываются: меня так резко хватают за волосы, что мой крик тонет в болезненном стоне, а ноги на мгновение оказываются в воздухе.

– Ты нарываешься, киска! – скрипучий и холодный голос бьет наотмашь, а затем меня грубо впечатывают спиной и затылком прямо в бетонную стену.

Глухой крик вырывается из моей грудной клетки, и мне требуется несколько секунд, чтобы сделать вдох.

– За твою вагину обещают хорошо заплатить.

Я ощущаю несвежее дыхание с запахом сигарет и какого-то мерзкого пойла.

– Но ты заставила нас побегать! – Крупная мужская ладонь оказывается на моей промежности, и по телу мгновенно проходит дрожь отвращения. – Теперь мы заставим тебя покричать.

– Отвали! – Я плюю прямо ему в лицо и пытаюсь вывернуться из грязных рук, но меня останавливает удар по щеке, нанесенный с такой силой, что я теряю равновесие.

И, прежде чем успеваю опомниться, меня разворачивают и прижимают спиной к твердой груди мужчины. Удар в живот, и я захожусь кашлем, теряя возможность дышать. Внутренности скручивает позыв рвоты, и мне хочется свернуться от пронзительной боли, но я умоляю себя держаться. Не рыдать и не молить о пощаде.

От сильного удара не сразу удастся сфокусировать зрение, но я замечаю два приближающихся силуэта. Звон в голове набирает обороты, а по подбородку стекает теплая струйка крови.

Черт... Я в заднице.

– Готти любит, когда ему заглатывают по железы, – чей-то голос доносится как сквозь слой ваты, а потом в мои щеки впиваются грубые пальцы. – Папочка ведь научил тебя этому?

– Он научил меня отгрызать члены таким ублюдкам, как вы!

Заткнись, Мерф, заткнись! Боже, я ненавижу свой характер. Но уж лучше сдохнуть.

– Угрожаешь? Нам? Парни, а она забавная.

Все втроем начинают ржать. Чудовищно и мерзко.

– Отвалите от меня! Пошли к черту, ублюдки!

Дергаюсь изо всех сил, но ни черта не выходит. Часто дышу, не желая принимать такой исход. Я не сдамся без боя. Не сдамся! И при следующей попытке выбраться я с точностью хирурга ударяю мужчине, держащему мое лицо в жесткой хватке, прямо между ног.

– Блядь! – Урод с животным рычанием сгибается пополам и болезненно стонет.

В следующее мгновение мужчина, стоящий позади, хватается за волосы и натягивает их до ярких вспышек в глазах.

– А я смотрю, у нас тут боец, – хрипит низким противным голосом. – Люблю бешеных сучек! Готовься, я трахну тебя первым.

Он проводит языком по моей щеке, и меня передергивает.

– Нет! Отпустите! – сдавленно вылетает из груди. – И я обещаю, что вас никто не тронет! Даю слово!

Вмиг вокруг все заполняет мужской гогот, а потом возле уха вновь раздается до омерзения мягкий голос:

– В данный момент большая вероятность того, что мы тебя тронем, малышка.

– Мразь! – едва не ору я и, сжав кулак, заряжаю ему прямо по лицу.

Господи, они точно убьют меня. Но лучше так, чем я окажусь нанизанной на их члены, как кусок мяса на трех шампурах.

– Сука! – Его хватка становится жестче, и я не могу сдержать болезненного стога. – Снимайте с нее штаны! – рывкает он двум другим, видимо, являясь главным среди них.

Но, не дожидаясь своих приятелей, грубым движением срывает пуговицу на джинсах, а спустя мгновение еще четыре руки помогают освободить мне ноги от защищающей одежды. И этих ублюдков нисколько не останавливают мои жалкие брыкания. Рывок – и промежность обдаёт холодом.

Дыхание сбивается. Проклятье... Если выживу – найду каждого и отстрелю их жалкие члены.

Приближение неминуемого вынуждает тело окаменеть. Я даже не осознаю, что начинаю плакать. Но из последних сил делаю глубокий вдох и кричу во все горло:

– Помогите! Прошу! Помогите! Пожалуйста! Господи! Отпустите!

Поражение завладевает моим телом и разумом. Сил больше нет. Как и былого мужества. Еще секунда, и меня отымеют какие-то грязные отморозки. Прямо в этой подворотне.

– Ш-ш-ш, ну вот видишь, умеешь же быть послушной девочкой, – низкий мужской голос опалает ушную раковину. А потом я ощущаю на ней его влажный язык. Омерзение встает поперек горла, и я застываю в ужасе. Задыхаюсь от страха. – А теперь ты нам скажешь код от сигнализации вашего ювелирного магазина. Мы не хотим шуметь.

Что? Нет, нет, нет! Этот магазин – все, что осталось у отца в память о матери. Я не могу...

– Но сначала мы поймем главное сокровище твоего папочки, – шепчет он, обнюхивая мое лицо и царапая щетиной шею. Урод! Но я молчу. Глотаю горечь безысходности.

– Отвечай, гребаная сука! – нетерпеливо встряхивает он меня с утробным рычанием.

Вдох. Выдох. Смотрю исподлобья, желая, чтобы подонки испытали весь спектр эмоций, выжигающий меня изнутри.

– Я Мерф О’Доннелл, запомните это имя, – хриплю дрожащим голосом, сплевывая кровь прямо под ноги его дружкам. – Отец набьет его на ваших грязных языках и бросит вас гнить в яме с вашим же дерьмом.

– Закрой пасть, сука!

Удар по лицу, а потом металлическое дуло внезапно оказывается плотно прижато к моему лбу.

Я прикрываю глаза, голову снова заполняет колыбельная из детства. Последнее, что просачивается сквозь мрак холодной реальности, – приглушенные хлопки выстрелов. Но ни один

не попадает в меня. Пожалуй, это лучшее, что я слышала за сегодня. Внезапно колени обжигает острой болью, когда мое тело падает на грубый и влажный асфальт.

Приподнимаюсь, едва удерживая тело на вытянутых руках. Верчу головой по сторонам, чтобы увидеть происходящее, но ничего не понимаю. Слышу только глухие удары, хруст костей, тяжелые стоны и хрипы, за которыми следуют мужские ругательства, а потом пара выстрелов... и тишина.

Я несмело поворачиваюсь в сторону, откуда доносится одиночное тяжелое дыхание, и замираю. Три тела лежат на асфальте. Два из них неподвижны, и только один еще подает признаки жизни: хрипло кашляет, пытается перевернуться и дотянуться до оружия. Но внезапно кто-то возникает над ним и одним движением сворачивает шею с противным хрустом.

Внутри все леденеет... Я медленно поднимаю глаза и рассматриваю своего спасителя. С его расслабленно опущенных рук капает багровая жидкость, и я почти физически ощущаю на себе его пристальный взгляд. Я не могу разглядеть лица незнакомца и не уверена, что хочу этого. Но почему-то мне кажется, что он красив. Видимо, я сильно ударила голову. Странно думать об этом... Боже, меня только что чуть не изнасиловали и не лишили жизни, а я сижу без трусов и оцениваю, возможно, еще одного потенциального маньяка.

Но он лишает меня возможности думать, когда резко срывается с места. Приближается настолько быстро, что я шарахаюсь и врезаюсь в стену, а в следующее мгновение мое предплечье вспыхивает от его требовательного прикосновения. Шарик в голове начинают вращаться с бешеной скоростью. Кто же он? И почему так смотрит? Так опасно...

Глава 1

Гектор

Под звуки оглушительной музыки я опрокидываю в себя рюмку текилы и крепче сжимаю в руках холодное стекло, смакуя жидкое тепло и жжение, что постепенно растекается внутри.

Я не приверженец алкоголя. По крайней мере, не был им. Так же, как и не был влюбленным идиотом. Однако не все вещи нам подвластны, тем более те, что мы не в силах держать на привязи вечность. Даже цепной пес порой срывается. А в моем случае это дикий израненный волк.

Я сорвался, мой контроль утерян. Шрамы горят, кровоточат, вновь разрушая меня вернувшимися кошмарами войны.

С каждым днем чувство, что ты не ты, расплзается внутри как лесной пожар, захватывая целые гектары моего тела уничтожающим огнем прошлого.

Я был рожден для одиночества. Одиночества, сука. Столько лет работы над собой. Никаких отношений и прочих сложностей. Я просто не имел права поддаваться этой слабости. Не имел, но поддался, нарушив главное правило: никогда и никого к себе не подпускать. Подпустил. И так близко, что теперь просто подыхаю. Я даже не понял, когда привычный самоконтроль стал ускользать от меня. Время потеряло ход. Спроси, какой сегодня день, – не отвечу. Потому что жизнь уподобилась бессмысленному существованию. А та, что пробила в моей груди сокрушительную брешь, теперь с другим.

Но мне это больше не интересно, как и то, сыт я или голоден, спал или неделю уже сижу в этом баре. И вроде бы все есть: свобода, фирма, квартиры, машины, женщины... Вот только если бы сейчас она появилась здесь и шепотом назвала мое имя, это мне заменило бы все, что я имею. Ведь все пустое. Деньги никогда не влекли меня так, как привлекла она.

И единственное, что облегчает гребаную одержимость, – беспорядочный образ жизни. Тяжелую потребность в ней я убиваю алкоголем. И сексом. Словно сам себе доказываю, что она ничто. Но трезвым не прикоснусь ни к одной. Я просто позволяю играть своей воспаленной фантазии в танце алкоголя и дыма. Самообман. Именно так я провел этот год. Запивая кошмары и зеленоглазую ведьму жгучим спиртом. Не знаю, насколько меня еще хватит. И самое опасное – я сам не хочу просвета. Лучше подышать физически в компании пагубных привычек, чем от мыслей, которые ежедневно всаживают иглы в мозг, напоминая о ней.

Опершись локтями на барную стойку, смотрю пустым взглядом на представительницу прекрасного пола, что в течение всего вечера так ярко вертит передо мной своей задницей. Соблазнительные изгибы тела, приоткрытые пухлые губы, манящие бедра и два зеленых факела глаз. На месте любой я представляю ее.

Затаив дыхание, слежу за кошкой на сцене, взгляд которой прикован ко мне. Никому из присутствующих она не подарила и взмаха ресниц. Только для меня. Этот танец для меня. Ее тело для меня. И я не отвожу глаз лишь потому, что перед ними стоит пелена иллюзий. Не хочу думать, что это обман зрения или затуманенного разума. Я вижу ее. И мне этого достаточно, чтобы дышать. Въелась ведьма в самое сердце. И выдрать ее я смогу только вместе с ним.

Опрокидываю еще одну рюмку и, с грохотом стукнув по барной стойке, рывком поднимаюсь с места. Вот только приходится дать себе пару минут, чтобы овладеть собственным телом. Ненавижу это состояние.

С ноги открываю дверь черного хода и буквально вываливаюсь на улицу. Похлопав ладонями по карманам, вытаскиваю помятую пачку, но едва успеваю прикурить гребаную сигарету,

как из темноты раздаётся женский визг. Тряхнув головой, я провожу фильтром между губ и опираюсь спиной о кирпичную стену, тут же ударяясь об нее затылком. Перед глазами все плывет, и я усердней зажимаю сигарету зубами, прикуривая только раза с третьего. Докатился, блядь.

– Помогите! Прошу! Помогите! Пожалуйста! Господи! Отпустите! – не прекращает свою мольбу о помощи очередная жертва темных переулков.

«Пора бы вмешаться», – твердит моя затравленная совесть.

– Не вздумай! – рычу сам на себя, зная уже наперед, что не смогу пройти мимо. – Идиот!

Выплюнув недокуренную сигарету, отталкиваюсь от стены, но тут же врезаюсь обратно. Штурмит неслабо, и геройствовать сейчас – явно не лучшая идея, но я нуждаюсь в хорошей встряске. Давно не разминал кости. Целых шесть дней, сегодня юбилейный.

В этом баре меня уже все знают. За год моего алкогольного турне изучили. Ни один человек не суется мне под кулак и другим не советует. Не раз я хорошенько докучал владельцам заведения, но также успешно и пополнял их кошельки. Поэтому, несмотря на мой скверный характер, здесь я желанный гость. И здесь мне комфортней, чем в пустой квартире.

Мысли за секунду раскалываются в щепки, когда взгляд роясняется, и я вижу следующую картину: девушка, рыдая, брыкается в руках ублюдков, которые уже стянули с нее трусы, а один приставил дуло пистолета к ее голове.

Привлекаю к себе внимание тихим свистом.

– Катись отсюда, выблядок, – небрежно бросает один из них.

Ну зачем же так грубо?

Прочищаю горло и лениво двигаюсь вперед, ловя на себе непонимающие взгляды этих уродов. Огромные измученные глазищи девушки, полные слез, смотрят сквозь меня, точно перед ней призрак. Внутри начинает щемить, и ярость, которая разъедала меня долгое время, бесконтрольно вырывается наружу.

Достаю пистолет и, направив на одного из них, хладнокровно нажимаю на курок. Только вот попадаю в металлический бак. Сука. В глазах двоится, но кулак в челюсть быстро отрезвляет меня. Рывком сокращаю расстояние и сразу выношу одного ударом в висок. Второй не заставляет долго ждать и наносит ответный в голову. Падаю, с грохотом врезаюсь в баки. Как так-то?! Черт!

Рык слетает с пересохших губ. Злюсь уже сам на себя, вскакиваю и, сгруппировавшись, с ноги бью его в солнечное сплетение, отправляя в нокаут, но внезапно меня останавливает острая боль. До ярких вспышек в глазах. Сдавленный крик сливается с шипением, которое я выпускаю сквозь стиснутые зубы. Девчонка уже валяется на асфальте. Мысленно матерю ее, потому что она не собирается уносить свою голую задницу подальше. Туман боли и алкоголя лишает ориентации, однако каким-то чудом в моих руках оказывается пистолет, и, не раздумывая, я всаживаю пулю в лоб третьему ублюдку.

– Твою мать, – рычу я, нащупав в боку ножевое.

От резко пронзившей боли оружие выскользывает из рук. Скалюсь от противного жжения в попытке перевести дыхание. Но лишнее телодвижение привлекает мое внимание. Хрипящее тело тянется к пистолету. Как бы не так. На автомате обхватываю голову мужика и сворачиваю ему шею, ощущая, как ломаются позвонки. Его тело обмякает, и я позволяю трупу выскользнуть из моих рук.

Облизываю разбитую губу и прикрываю глаза. Ощущение легкости наполняет меня до предела, но, несмотря на это, я готов рухнуть на землю, как многотонный баул. В последний раз перевожу затуманенный взгляд на девушку: красивая... В мозгу мелькает мысль помочь ей подняться, спросить, не ранена ли. Только, когда я понимаю, чем вызван столь повышенный интерес к незнакомке, тело в момент каменеет и разу, словно взрывается землетрясением.

Проклятье! Какого хрена? В два шага сокращаю до нее расстояние, отчего дрожащее тельце рывком отскакивает и врезается в стену, но я хватаю ее за предплечья и, дернув на себя, заглядываю в глаза. Которые сейчас уничтожают меня золотым огнем. Не она. Помутнение медленно отступает, только руки все так же крепко сжимают хрупкую плоть незнакомки, и я не могу перестать смотреть на нее. Почему, мать твою? Пора завязывать с алкоголем.

– Вы делаете мне больно... – Сорванный голос девушки окончательно возвращает меня в мутную реальность, и я отшатываюсь от нее как от огня.

– Прости... – Вцепляюсь пятерней в затылок и тяжело сглатываю. – Я... Я... обознался.

Тишина затягивается, обжигает, и ее нарушает лишь наше частое дыхание. Пока спутанное сознание не захватывает в плен мелодичный голос:

– Вам нужна помощь... У вас кровь.

Она подгибает ноги, натягивая кофту ниже, и вся трясется, но взгляд... Чертов взгляд прожигает насквозь.

Тут же разворачиваюсь и на нетвердых ногах устремляюсь прочь. Надо уйти. Я должен уйти. Философ прав. Мне нужно перестать жить прошлым. Искать в каждой зеленым глаза ведьмы. Но у этой они другие. Большие, обжигающие, как горячая карамель, с золотым вкраплением солнца.

– Подождите! – врезается в спину ее голос. – Вы ранены. Нужно вызвать скорую.

Поворачиваюсь, из последних сил удерживая шаткое равновесие.

С прищуром наблюдаю, как девчонка судорожно натягивает трусы, а за ними и штаны, стыдливо пряча свою наготу.

– Я вызову скорую, – сбивчиво шепчет незнакомка, с трудом передвигая ногами. – Подождите, – тараторит, на ходу ища в карманах телефон. Но не успевает его разблокировать: я выхватываю гаджет из ее холодных рук.

– Мне не нужна помощь. А ты давай, – сканирую ее, отрицательно качая головой, – ноги в руки – и домой.

– Вы ранены, – ее голос звучит агрессивнее, а женское лицо с выразительными скулами наполняется мужеством, – и вам нужна помощь. Если так хотите, чтобы я отстала, верните мой телефон и позвольте вызвать бригаду специалистов.

– Очень хочу, – цежу, часто дыша сквозь зубы, и разворачиваюсь, оставляя позади себя источник бед.

Вот только с каждым новым шагом в глазах становится темнее. И голос я уже слышу через слой ваты, а затем чувствую столкновение с чем-то твердым и... тишина. Никто не жужжит, так спокойно и легко... Кайф.

Глава 2

Мерф

Обхватив себя за плечи, я стою у окна, полностью погруженная в невеселые мысли.

Жизнь в семье мафиози далека от сказки. Я родилась в мире, где правит месть, кровь и мужчины. Не лучшая перспектива для женщины.

Вначале ты еще питаешь иллюзии о светлом будущем, но в какой-то момент все меняется.

Обычно для девушек этот период наступает к совершеннолетию, когда приходит время долга и чести. Однако в моем случае отец предоставил мне срок больше дозволенного, но все равно приближение неизбежного оказалось слишком быстрым.

А месяц назад жизнь окончательно и бесповоротно превратилась в сущий ад.

Отец, не сказав мне, договорился о моей свадьбе с незнакомым мужчиной. Которого, мать вашу, я даже ни разу не видела. Этот брак должен был стать чем-то вроде мирного договора между двумя синдикатами.

Но все, слава богу, отменилось.

Я не знаю истинной причины расторжения договора, но то, что она кроется не в моих капризах, это точно.

Папа жуткий консерватор и никогда не допускал «революций», которые я ему исправно пыталась устраивать уже на протяжении двадцати восьми лет. А плюс ко всему у него еще и синдром гиперопеки в комплекте с параноидальными замашками. Немудрено. Ведь я – единственное, что у него осталось. И он хранит меня как сокровище ЮНЭСКО.

Безусловно, я заслужила всю его строгость своим взрывным характером.

Удивительно, как он меня еще в монастырь не сослал. Хотя в моем случае Азкабан, магическая тюрьма из книжки, – более подходящий вариант.

Мысленно усмехаюсь, вспоминая, как я в девятнадцать лет случайно услышала разговор в кабинете отца, где обсуждалась моя девственность и то, что на нее претендуют несколько влиятельных семей.

В тот же вечер я сбежала и переспала с первым встречным.

Точнее, попыталась.

Я никогда не питала иллюзий насчет противоположного пола и прекрасно знала их природу, даже будучи невинной особой. Потому что жила среди тестостероновых яиц двадцать четыре на семь, и от моих ушей не ускользала ни одна пошлая шуточка или байка.

Но я была готова пойти на такой шаг и закрыть глаза на свои принципы, лишь бы «испачкать себя» и не достаться никому в качестве приза.

Вот только мне даже поцеловаться не позволили, притащили домой как котенка за шкурку, а пацана...

В общем, мне повезло больше. А моя девственность была взята под ожесточенную охрану.

Правда, она все же покинула меня на одной вечеринке через четыре года. Но отец наивно полагает, что я все еще храню целомудрие для своего единственного долга.

Долг – ненавижу это слово. В моей жизни оно встречается слишком часто.

Всегда было интересно, как реагировала бы мама на мои выходки. Ругала? А может, понимала и защищала?

Мне не хватает женских секретов и задушевных разговоров с ней, как это могут позволить себе все мои сверстницы. Но, к сожалению, мне это недоступно: матери не стало очень рано, и я даже не помню ее. Знаю только, что было заказное убийство.

Та же участь постигла и моего старшего брата.

Я любила его, очень любила, и для меня это стало тяжелой потерей. Тогда моя жизнь дала первую трещину, а у старшего О'Доннелла пошатнулась психика.

Было непросто.

Нашу семью громили в щепки со всех сторон. А вдобавок еще и весь чемодан моей взбалмошности прилетел на папенькины плечи. Но и он не пальцем деланный и для отца-одиночки справлялся весьма недурно.

Я даже спорить с ним практически не рисковала. Да никто не рисковал. Все его бояться и уважают. Однако мне все же удавалось находить пути обхождения правил. До определенного времени.

Вообще, папа очень сложный человек, ирландец до мозга костей: чтит семейные связи, обожает лошадей, темное пиво и предпочитает исключительно ирландскую форму имени.

А еще для него имеет вес только одно мнение – его.

Он прожил непростую и долгую жизнь в бедности, надрывая свою задницу на заводе с тринадцати лет, прежде чем многого достиг и стал тем, кем сейчас является.

И я даже могу оправдать ход с моим браком. Отец просто хочет обеспечить мне надежное будущее. Но что-то его остановило.

Однако мне это только на руку.

Никогда не смирюсь с тем, что за меня будут решать. Это моя жизнь, и плевать, что я живу в том мире, где на вершине иерархии мужчины. В мире, где желания женщины – ничто.

Иногда я жалею, что заключена в женское тело. Родила меня мать мужчиной, жизнь была бы совсем другой.

Я никогда не могла понять, почему то, что позволено мужчинам, непозволительно для женщин?

Парень, перетрахавший весь бордель, не лишается и капли чести, а девушке достаточно неправильно посмотреть, чтобы на ней поставили клеймо шлюхи.

Абсурд.

Снова начинаю заводиться, мысленно рассуждая на малоприятную тему. И мне требуется пара секунд, чтобы перевести дыхание.

Если я и выйду замуж, то только по любви. И ничто не изменит моих убеждений.

Хотя вероятность любви – единственное, что пугает меня в этом мире.

Достаточно иронично, не правда ли?

Но я всего лишь мечтаю выбраться за пределы прогнившего мира, в котором прожила всю сознательную жизнь.

С каждым годом мне становилось все теснее в установленных рамках. Слишком много запретов. Слишком много правил. А я не люблю ни то, ни другое. Не люблю быть жертвой. Возможно, тому причиной горячая ирландская кровь.

А еще я наивно полагала, что готова к любым опасностям, но так было ровно до тех пор, пока на меня не открылась охота.

Да. Мой несостоявшийся муж пришел в дикое бешенство, когда получил внезапный отказ. И тем, что не сдержал свое слово, отец развязал войну.

Вот только охотиться на меня стали все, кто хоть что-то имел против нашей семьи. Ведь я являюсь мощным рычагом в руках недоброжелателей. И теперь каждый падальщик желает урвать лакомый кусочек.

И вчера грязным ублюдкам это почти удалось.

Сквозь жалюзи уже пробиваются первые лучи утреннего солнца, а я так и не смогла заснуть.

В голове вновь мелькают ужасающие кадры прошедшей ночи. Даже горячий душ и натертое жесткой мочалкой тело не помогли забыть омерзительные прикосновения.

Я уже потеряла надежду на благоприятный исход, когда появился он.

В темноте мне не удалось разглядеть его, но зато сейчас я в полной мере изучаю своего спасителя.

Длинное мускулистое тело едва помещается на больничной койке. Каштановые взъерошенные волосы. Из-за щетины я с трудом могу рассмотреть красивое, несмотря на увечья, мужественное лицо. С таким же интересом мой взгляд перемещается на орнамент татуировок, выглядывающих из-под больничного халата. А затем и на широкую грудь, размеренно вздымающуюся во сне.

Но даже в таком уязвимом состоянии его облик не теряет налета хищности.

Закусываю губу, сдерживая нелепый порыв провести кончиками пальцев по покрытой чернильными рисунками коже. Интересно, какая она? Думаю, очень горячая и приятная, со всеми оттенками мужской грубости...

А вспоминая, на что способны его сильные руки, можно сделать точный вывод: этот мужчина определенно дик в любой своей потребности. Какой бы она ни была.

Черт подери, да он выглядит как грех во плоти!

От него за версту веет брутальностью. Агрессивным сексом. И перегаром. Но последним меня не удивить.

Представляю, какое впечатление производит на женщин этот самец. Интересно, как часто он пускает в ход свое обаяние?

Боже, Мерф, он обычный мужик! Прекрати на него пялиться. Нет. Не обычный, он спас меня. Не задумываясь, убил тех, кто хотел причинить мне боль. Пролил кровь ради незнакомой ему девушки.

И я продолжаю смотреть, грозя прожечь в нем дыру.

Что же в тебе такого особенного, мой Робин Гуд?

Внезапно мужчина начинает просыпаться и, издав тихий стон, болезненно кривит губы.

По телу тут же прокатывается волнуемое предвкушение знакомства.

– Привет, – тихо слетает с языка, когда мужчина пронизывает меня потерянным взглядом, а потом опять проваливается в сон.

– Мисс О’Доннелл!

Я оборачиваюсь, вижу в дверях одного из охранников.

– Ваш отец уже ждет внизу.

Бросаю прощальный взгляд на спящего мужчину, зная точно, что еще вернусь. Только для начала поговорю с отцом.

Если у незнакомца будут проблемы с правоохранительными органами из-за случившегося, я предоставлю любую помощь, чтобы они его не коснулись.

– Все расходы запишите на счет моего отца, – отдаю распоряжение подоспевшей медсестре. – Я хочу, чтобы этот человек ни в чем не нуждался. Он спас мне жизнь.

Глава 3

Гектор

Тяжело сглатываю и пытаюсь открыть глаза, а когда понимаю, где нахожусь, издаю протяжный стон.

Ни черта не помню.

С пятой попытки мне все же удается спустить ноги с кровати и выдернуть из руки катетер. Каждая мышца в теле заполнена острым жжением, но я решительно настроен свалить отсюда, и как можно скорее.

Однако, сделав неудачное телодвижение, хватаюсь за бок от пронзившей его ноющей боли.

– Проклятье, – сдавленно слетает с моих губ, и приходится упереться ладонью в чертову больничную койку.

– Матерь Божья! – раздается женский шокированный возглас. – Сейчас же вернитесь в постель!

Скорчив мучительную гримасу, я бросаю взгляд исподлобья на обладательницу неприятно высокого голоса.

– Какого хрена я здесь делаю? – с трудом хриплю пересохшим горлом и захожусь в кашле.

– Вы поступили с тяжелым ножевым ранением брюшной полости. – Женщина в медицинской униформе начинает раскладывать лекарства на тумбе у кровати, продолжая тараторить: – Кровотечение остановлено, жизненно важные органы не задеты. Небольшой ушиб ребер, но неделя постельного режима – и вы как новенький. Вам крупно повезло!

Медсестра разворачивается и упирает руки в бока, явно ожидая, что я вернусь на место.

– Девушка, что вызвала бригаду скорой помощи, просидела в больнице сутки, очень за вас переживала, говорила, вы спасли ей жизнь.

Мрачно усмехаюсь над собой. Опять решил погеройствовать?

Надо же было так надраться. Ни хрена не помню.

– Я разве сказала что-то смешное? – Женщина хмурит брови, явно находясь в замешательстве от моего поведения.

– Нет, – опускаю голову и качаю ей, ворча себе под нос, – совершенно ничего. – А потом чуть громче добавляю: – Моя одежда цела?

Облизнув сухие губы, начинаю оглядываться вокруг и тут же морщусь от внезапно сдавившей виски пульсирующей боли.

– Нет, но девушка... Та, которую вы спасли, – медсестра будто нарочно выделяет данный факт, – купила все, что вам необходимо...

– Можете передать ей спасибо, – нетерпеливо обрываю собеседницу, не дослушав очередной бессмысленный поток слов.

– Но...

– Мисс, не выносите мне мозг! – Я стискиваю зубы, чувствуя нарастающее раздражение. – Лучше выдайте одежду и принесите подписать какие-нибудь сраные бумажки, чтобы я мог уже свалить отсюда. И тогда, возможно, я спасу еще парочку жизней.

Мы сталкиваемся взглядами, прежде чем на меня обрушивается ее возмущение.

– Мужчины, упрямые бараны! – восклицает она, сдаваясь, но я рад, что эта женщина понимает серьезность моих намерений. Еще бы рот свой прикрыла, цены бы ей не было. – Если бы вы хоть иногда слушали женщин, жили бы дольше.

– Все именно так, – вновь прерываю ее неостроумные наставления, но тут же смягчаю тон: – А теперь, мисс, могу ли я получить одежду и свои личные вещи?

Медсестра раздраженно вздыхает и, бурча себе под нос, уходит из палаты.

– И бутылку воды! – выкрикиваю ей вдогонку

А спустя нескольких долгих часов, получив вольную и спасительные запасы обезболивающего, я покидаю пределы больницы.

Свежий вечерний воздух болезненно проникает в легкие, но я запрокидываю голову и наслаждаюсь им. Около полутора суток в больнице, а я уже забыл, как дышится вне помещения.

Нахожу в кармане мятую пачку сигарет и прикуриваю, с облегчением выпуская клуб дыма.

Девушка... Кто же она? Я все это время пытался вспомнить хотя бы, как она выглядит, но тщетно. Ноль. Ни голоса, ни имени. А главное, и причины нашего «знакомства» мне не удалось восстановить в памяти.

Сглатываю горечь никотина во рту и тяну пальцами волосы на макушке. Я слишком много пью.

Из омута надоедливых мыслей меня вырывает тяжелая ладонь, опустившаяся на мое плечо.

– Теперь я серьезно задумываюсь над тем, чтобы поместить тебя в изолятор.

Поворачиваюсь в сторону знакомого голоса и сбрасываю с себя мужскую руку.

– Катись к черту, Философ, – ворчу себе под нос.

– Поступил серьезный заказ, – говорит он, пропуская мимо ушей мои слова, и направляется в сторону парковки.

– И в чем проблема? – Я лениво двигаюсь за ним, преодолевая боль в боку.

– Ни в чем, – бросает он через плечо, не оборачиваясь. – Если не считать, что тебя хотят нанять в качестве убийцы.

Прыскаю со смеху. Насколько это позволяет ранение.

– И ты наивно полагаешь, что меня это вдохновит? – Я затыгиваюсь, прежде чем выкинуть окурок. – Фил, я завязал, – цежу, одновременно выпуская из легких струю дыма, – и тебе об этом известно.

– Ну да, три трупа из-за сладкой киски, – саркастично поддевает он. – Одному даже шею свернул. Как в старые добрые, голыми руками. Лучше б ты так с алкоголем завязал, казанова хренов.

Философ открывает внедорожник и садится за руль, а в моей голове смутно всплывают обрывочные картины той ночи.

– Ну радуется, что я не теряю форму, – подвожу итог вслух и осторожно забираюсь на переднее сиденье, задерживая от боли дыхание. – Много шума оставил?

Фил одаривает меня своим фирменным прищуром, мол, сомневаешься во мне, мудила ты сраный?

– Спасибо, – одобрительно киваю я.

Ударяюсь затылком о подголовник и сижу так, пока не ощущаю, как на колени прилетает что-то увесистое.

Тяжело вздохнув, я опускаю взгляд и принимаюсь рассматривать содержимое конверта. А когда дохожу до главной информации, мои губы дергаются в подобии усмешки.

– Серьезный заказ, Гектор. Деньгами не обидят. Но сам понимаешь, с большими деньгами и проблемы будут побольше твоих яиц.

Прекрасно понимаю, о чем он. В венах уже начинает предательски закипать адреналин.

– Я подумаю об этом. Но не сегодня. Теперь отвези меня домой и хоть ненадолго прекрати трахать мне мозг.

– Ты босс, Гектор.

– А ты моя голова, Фил, – устало выдыхаю я.

Слева раздается раздраженное фырканье.

– Ты полный идиот, если губишь себя из-за бабы. Хватит вести себя как пересушенная на солнце вагина. Бери заказ и займись делом! Кстати, на твой счет упала кругленькая сумма от некого О’Доннелла.

Кривая ухмылка растягивает мои губы.

– Интересно...

Остаток вечера я провожу в пустой квартире, старательно копаясь в своей голове в надежде выстроить хоть какую-то хронологию событий. Но, не выдержав монотонной боли и скачущих мыслей, снова тянусь за бутылкой. Сейчас я не готов думать, а тем более бороться с привычным искушением.

Глоток за глотком я погружаюсь в расслабленный кокон иллюзий. Но резкий стук в дверь выбивает меня из безмятежности.

Перевожу мутный взгляд на часы. Три часа ночи. Какого хрена?

С усилием тру ладонями глаза, чтобы хоть немного привести себя в чувство, и, дотянувшись до пульта, включаю на плазме видеонаблюдение. С минуту фокусируюсь на изображении и, опознав женский силуэт, с облегчением выдыхаю. Фил всегда чувствует, что мне нужно. Снимаю блокировку двери, прежде чем заставить изможденное тело подняться с дивана и принять подарочек от друга.

Глава 4

Мерф

Мой отец никогда не повышает голос, но его молчание страшнее крика. Поэтому, просидев минут десять под его пристальным взглядом, я не выдерживаю и первая нарушаю тишину, повисшую в машине.

– Знаешь, меня всегда интересовало, почему ты так долго оттягивал момент моего замужества.

– Во-первых, ты моя единственная дочь.

– Ты хотел сказать, единственная наследница?

Он шумно вздыхает.

– Мерф, в тебе есть стержень, и в твоих венах течет кровь О’Доннелл, это уже мощный магнит для мужчин. К тому же ты далеко не инфантильна и вдобавок единственная наследница семейной империи, что также делает тебя весьма опасной фигурой в криминальном мире Чикаго.

– Получается, ты подразнил Готти вкусной морковкой в виде большей власти и ничего не дал. И тем самым спровоцировал войну?

– Война между синдикатами была неизбежна. Даже если бы я отдал оссу Готти то, что он хотел, сразу.

Боссу Готти. А точнее – его сыну, который после своего отца займет место во главе Чикагского синдиката.

– Тянул время? – с грустью в голосе произношу я, чувствуя, как мной овладевает усталость.

– Нужно уметь использовать чужую силу.

– Вот как? – Я растягиваю губы в печальной ухмылке. – Значит, ты использовал меня в качестве наживки?

Отец проводит ладонью по щетине, потом обхватывает рукоять трости с резной головой льва.

– У женщин должно быть одно замечательное качество: уметь вовремя замолчать, Мерф. Так вот... – Нарочитая пауза. – У тебя его нет.

Закатываю глаза.

– Я не боюсь высказывать свое мнение.

– Думаешь, это полезное качество для женщины в нашем мире?

– Ты зря тратишь время, пап.

Перекрещиваю на груди руки и отворачиваюсь к окну.

– Я очень тебя люблю, детка. Но сейчас не лучшие времена, и больше ты не должна покидать территорию поместья. Нам очень повезло, что все закончилось... благополучно.

– Благополучно? – шиплю я от вспыхнувшего в груди раздражения, резко впиваясь взглядом в отца. – А может, просто нужно нанять людей, которые умеют нормально выполнять работу телохранителя? Я не хочу жить в клетке! Я не жертва!

Он тяжело выдыхает, крепко сжимая морщинистыми пальцами львиную морду, и укоризненно качает головой.

– Ты вся в мать. И я не осуждаю тебя, Мерф. Но у твоей матери, помимо дерзкого языка, был еще и острый ум.

– И где она теперь? Я смотрю, ум ей не очень-то помог прожить долгую и счастливую жизнь!

Глаза отца вмиг ожесточаются, и я тут же прикусываю язык, заставляя себя заткнуться. Но сразу продолжаю более спокойным тоном:

– Прости... Давай закроем тему.

– Тогда, может, поговорим о человеке, который тебя спас?

От упоминания о моем спасителе сердце начинает биться быстрее. Я даже даю себе одну секунду, чтобы обдумать ответ.

– Мне кажется, он заслуживает благодарности. Он мог погибнуть, защищая меня...

– Можешь не переживать, его жизни ничего не угрожает. А вознаграждение я уже перевел на счет.

– Что? – шокировано выдыхаю, не в силах скрыть удивление.

Мистер О’Доннелл в своем репертуаре, двигается быстрее ветра. Но все же я бы хотела отблагодарить этого мужчину сама.

– Он спас жизнь моей дочери. А я поступил как человек с чувством долга и чести.

– Конечно... Спасибо, – натягиваю вынужденную улыбку. – Знаешь, я еще задержусь, езжай без меня. Думаю, я должна лично его поблагодарить.

– Думаешь? – Отец прищуривается, как всегда, читая меня насквозь. – Или хочешь?

– Должна.

Он издает тихий смех.

– Поблаговаришь в другой раз, дочка. Сейчас мы едем домой, тебе нужен отдых.

Отец пару раз стучит тростью по водительской перегородке, и машина двигается с места.

Спорить нет смысла. Я еще легко отделалась, зная его любовь к нравоучениям, поэтому без каких-либо препирательств откидываюсь на спинку сиденья и прикрываю глаза.

Черт, а вот и головная боль подъехала.

Действие обезболивающих препаратов подходит к концу внезапно и с космической скоростью, и теперь я начинаю чувствовать, как в животе закручивается невыносимо болезненный узел от нанесенных ранее ударов. Но постепенно все мои мысли занимает незнакомый мужчина, который пострадал от рук тех же ублюдков.

Тем же вечером я случайно узнаю о том, что он отказался от лечения и покинул больницу, а деньги, отправленные отцом на его счет, перечислены обратно в наш банк.

Прямо Робин Гуд двадцать первого века.

Желание отблагодарить моего спасителя лично становится еще сильнее и, подобно ненасытному голоду, толкает меня на безумство.

И я не сопротивляюсь, даже выясняю ему же вечером его адрес, подслушав пару разговоров возле двери в кабинет отца.

А спустя некоторое время, под покровом ночи, мне все же удается улизнуть от очередного телохранителя.

Они так часто меняются, что я совершенно не запоминаю их лиц и имен, зато меня охранники прозвали «черной меткой», и, человеку, получившему ее, даже устраивают проводы.

И все бы ничего, но приближение к вражеской территории заставляет сердцебиение предательски ускоряться. Нервное возбуждение набирает обороты. Я далеко за пределами ирландского переулка. И все же не жалею о своем решении, потому что именно сейчас ощущаю себя по-настоящему свободной. Живой. Пусть даже мне опять придется бежать от кровожадных псов Готти.

Черт... я точно сумасшедшая. Но это часть моей жизни. Наверное, так и должно быть.

Плотнее запахнув полы длинного плаща, я вылезаю из такси и, не останавливаясь, следую по забитому в навигатор телефона адресу.

Жажда приключений всегда притягивала меня, но на этот раз есть и что-то другое. Кажется, все дело в незнакомце и его дерзости. Он отказал моему отцу. Моему отцу... Мать Божья, он либо безумец, либо самоубийца. И я даже не знаю, что из этого притягивает меня больше.

Глава 5

Мерф

Я стою перед фешенебельным небоскребом, смотря далеко вверх, и ощущаю первую дрожь волнения. Сладкого волнения. И оно пугает. Этот мужчина уже сделал то, что не удавалось никому до него: заставил меня чувствовать неуверенность.

Кошмар...

Я толком его не знаю, а уже позволила занять слишком много места в мыслях.

– Какого черта я делаю? – выдыхаю я, качая головой, и, чтобы не передумать, шагаю вперед.

Пентхаус моего спасителя на самом последнем этаже, поэтому я сразу же следую к личному лифту, расположенному в отдельной нише с пальмами в огромных глянцевых горшках.

Нахожу на табло нужную фамилию и подрагивающими пальцами нажимаю на металлическую кнопку. Загорается.

Проклятье.

Сердце напоминает отбойный молоток. И я едва сдерживаюсь, чтобы не начать расхаживать взад-вперед или того хуже – грызть ногти в нервном ожидании. А когда раздвигаются дверцы лифта, волнение окончательно кружит голову, и всю поездку напряжение в теле лишь нарастает, что мне совершенно чуждо. Потому что я не могу управлять им. Сейчас им управляют эмоции.

Приехав на нужный этаж, я напоследок бросаю оценивающий взгляд в зеркало, отмечая, что все следы минувшей ночи отлично скрыты плотным слоем макияжа. Мысленно одергиваю себя, потому что меня не должно волновать, в каком виде я предстану перед незнакомцем. Абсурд. Я знаю, что красивая, и даже синяки и ссадины не смогут этого испортить.

Минут пять переминаюсь с ноги на ногу перед дверью без номера. Разглядываю рисунок деревянного полотна, потолок с люстрами в стиле ар-деко, пол с мраморным рисунком. И с каждой новой секундой моя решительность угасает.

А что, если он не один? А я тут такая со своими благодарностями в три часа ночи. Хотя кольца у него на пальце не припомню. И что с того? Свободные отношения никто не отменял. К черту! Стучу по твердому дереву и отрезаю себе все пути бегства. Я не трусиха.

Зажмуриваюсь, мысленно подготавливая себя к тому, что увижу на пороге полуголую девушку в его белоснежной рубашке. Надеюсь, он не носит рубашки. Боже, я просто идиотка...

Звук распахнувшейся двери заставляет открыть глаза и поднять их, чтобы увидеть того самого мужчину.

Мать моя женщина! Впечатляет. Полуголый, с развитой мускулатурой, он нависает надо мной, опершись одной рукой о косяк. На мгновение я задерживаю внимание на том месте, где пластырь скрывает шов, но, сообразив, что мой взгляд бессовестно следует по косым мышцам вниз, тут же обуздываю себя и меняю направление. Надеюсь, под тонной пудры не видно, как пылают мои щеки.

Он высок и широкоплеч, а растрепанные волосы похожи на темное золото. Вот только глаза – красные, затравленные от боли – сквозят ледяным холодом, и на красивых губах растягивается совершенно не сочетаемая с ними ядовитая усмешка.

Боже, если я не заговорю, то просто-напросто задохнусь от переизбытка эмоций.

– Привет...

Дальнейшие слова застревают в глотке, потому что он резко склоняется и подцепляет пальцами локон моих волос. Но в еще большее напряжение я прихожу, когда отчетливо улавливаю тяжелый запах алкоголя, шлейф мятных сигарет и чего-то еще, дурманящего, притя-

гательного. Мужского. И с трудом подавляю желание зарыться носом в его шею и вдохнуть полной грудью. Мать Божья... И о чем я думаю? Соберись, Динь. Вот только очередное движение мужской руки обрывает мне дыхание.

Его пальцы грубо перемещаются от волос к подбородку, сдавливая до легкой боли. Внутри все сжимается от вихря острых эмоций, вызванных совершенно незнакомым человеком. Хоровод мыслей кружит голову, пока мужчина неспешно рассматривает мое лицо. А через мгновение возникает четкое ощущение, что он оценивает меня, как товар на рынке. Но по неизвестной мне причине я продолжаю покорно стоять на пороге логова этого зверя. Сейчас он выглядит именно так, особенно, когда его глаза опускаются до уровня моих губ и зажигаются всполохами огня.

– Блядь! – Мужчина опускает голову, теряя ко мне интерес. – Философ издевается, – ворчит он под нос и выпускает мое лицо из захвата, вынуждая кожу, где только что давили его пальцы, вспыхнуть колючим жаром.

Мне не следовало приходиться сюда. Плохая идея. Очень плохая. Однако я не успеваю сделать и шагу прочь, как он требовательным рывком затаскивает меня внутрь, и я окончательно понимаю, что сделала ошибку. Мужчина срывает с моих плеч плащ и тут же лишает возможности двигаться, заключая дрожащее тело в медвежьи объятия. Глухой стон вырывается из моего горла, и сердце пропускает удар, потому что я чувствую грубые пальцы, обжигающие кожу даже сквозь плотный слой одежды. Вот они – последствия редкого и скудного секса...

– И как ему удастся находить то, что мне нужно?

Горячее дыхание касается затылка, а потом мужчина зарывается в копну волос носом, жадно втягивая в себя мой запах.

Самодовольный ублюдок!

Не в силах сказать что-либо, дергаюсь, но в ответ получаю короткий хриплый смешок.

– М-м-м, – тихо стонет он, – что-то новенькое, постановочная?

Я всхлипываю, когда его рука забирается в штаны и без труда проскальзывает в трусики.

Твою ж мать!

Закусываю губы, позволяя электрической паутине, охватившей меня, ужалить каждое нервное окончание. Клитор предательски пульсирует и буквально взрывается от умелого прикосновения... Господи! Эти чертовы пальцы точно знают, что делать с женской плотью. Судорожно выдыхаю. Тело выгибается, явно желая того же, что и мерзавец, но какое-то гребаное чудо помогает мне не потерять рассудок и вцепиться ногтями в его кисть.

И кое-кому не по нраву сопротивление.

Гортанный рык обжигает мое ухо:

– Прости, малышка, я сегодня не настроен играть.

Он рывком вытаскивает свою руку, разворачивает меня и толкает в стену, выбивая из груди остатки кислорода. Настолько, что дышать становится сложно.

– Подожди... те... – Быстро хватаю ртом воздух, выставив ладони вперед. – Я... Я пришла отблагодарить...

– Так и сделай это, только рот раскрывай уровнем ниже.

Мужские руки с силой надавливают мне на плечи, и я понимаю, чего он хочет. Из груди вырывается шокированный выдох.

Я мгновенно детонирую вспыхнувшим в крови раздражением.

Вот же подонок!

Не раздумывая, бью ему коленом прямо между ног, и от неожиданности такого маневра он со стоном буквально складывается пополам.

Проклятье, меня трясет от ярости!

– С-с-сука-а, – сдавленно хрипит он, – ты совсем охренела? Ты что, первый раз, что ли, на вызове? Опытных шлюх у них не нашлось?

Я, конечно, не ждала, что он меня узнает и чаю предложит, но все же и такого тоже совсем не ожидала.

– Мудак! – шиплю я, судорожно проводя ладонями по волосам.

Этот мерзавец принял меня... за шлюху? Охренеть можно! Но, стоит признать, чертовски красивый мерзавец! Однако данному факту я однозначно не позволю усложнить ситуацию.

Нервно веду плечами, будто сбрасывая с себя его прикосновения. И с трудом проталкиваю воздух в пересохшее горло, прежде чем выпаливаю, задыхаясь:

– А теперь проясню пару моментов! – Сглатываю. – Я не знаю никакого Философа, это раз. Мой рот будет на том уровне, на котором я решу, это два. И три – я не шлюха! – едва не рычу на него.

Отвешиваю хлесткую пощечину в тот момент, когда он распрямляет плечи.

И, воспользовавшись секундной заминкой, поднимаю с пола плащ и вылетаю за дверь, чувствуя, как бешено колотится сердце.

К черту благодарности...

Глава 6

Гектор

Заваливаюсь в кресло и сдавленно выпускаю воздух сквозь стиснутые зубы. Я слишком зол. Давненько мои яйца не получали такую убойную дозу от женской коленки. Острой женской коленки.

Не так я планировал использовать найденную под дверью куколку.

Провожу пальцами по губам, втягивая сладкий запах женской плоти. Вот же сучка! Сучка, у которой чертовски хорошо в трусиках. И, в подтверждение этих мыслей, член болезненно вжимается в ширинку.

Прости, приятель, сегодня о тебе некому позаботиться.

Беззвучно фыркаю себе под нос и растираю ладонью лицо, сбрасывая вновь нахлынувшее возбуждение.

Не шлюха. Конечно не шлюха. Только до меня это осознание доходит лишь сейчас, когда опоясывающая боль немного отрезвляет затуманенный рассудок, и я вспоминаю, где уже видел эти жгучие глаза.

Пульс непрерывно гроыхает в висках, пока я сопоставляю все факты. Блядь! Мне нужно остыть. Однако дико вращающиеся в голове винтики лишают меня этой возможности. И в конечном итоге все дерьмо складывается в единый пазл. Девушка, темный переулочек, больница, деньги, перечисленные из банка семьи О'Доннелл... Твою ж мать.

Я опираюсь на локти, выпуская из груди остатки кислорода.

Единственное, что меня сейчас спасет, это убойная доза обезболивающего и крепкий сон. Вот только со сном у меня уже давно напряженные отношения. И сегодняшняя ночь не станет исключением.

Проглотив пару таблеток, я отправляюсь в кровать, но вместо прохладных простыней попадаю в самое пекло ада.

Всю ночь я захлебываюсь в кошмарах, погребенный под грудой окровавленных тел своих сослуживцев. Крики разрывают меня изнутри. Не мои. Чужие. Молящие о помощи. Они зовут меня... В то время как я схожу с ума в собственном сне.

Алкоголь и таблетки в одном флаконе оказывают на психику сокрушающий удар, и я даже не понимаю, как мне удастся вырваться из черной ямы и сделать болезненный вдох в горящие легкие. Меня словно живьем вырвали из-под земли на поверхность, содрав по пути всю кожу.

На мгновение мной овладевает отчаянная ярость, и я с хрипами хватаю ртом воздух.

Раз за разом.

Грудь ходит ходуном.

Я весь в поту, простыня полностью мокрая, как и штаны на мне. Дерьмо.

Со стоном присаживаюсь и свешиваю ноги с кровати. Встаю, чтобы подойти к окну и раздернуть шторы. Снова ночь. Сколько я проспал?

– Кошмары? – гремит в тишине тяжелый мужской голос.

– Твою мать! – ругаюсь я, когда резко оборачиваюсь и замечаю сидящий силуэт в дальнем углу комнаты.

– Присядьте. – Он указывает мне на кровать. В моем, черт возьми, доме! – Врачи рекомендовали вам постельный режим. Не стоит пренебрегать их советами.

Я не могу сдержаться от короткого смешка.

– Что за херня?

Незванный гость устало поднимается с места и, опершись о трость, неспешно выходит из тени.

Старик О’Доннелл собственной персоной.

– Как-то многовато ирландцев в моей жизни за последние сутки.

– Рад, что не нуждаюсь в представлении. – Он тяжело вздыхает и добавляет: – Моя дочь весьма сложное создание.

– Да. Вынужден согласиться с вами.

– Наша семья сейчас переживает весьма непростые времена. И Мерф, в случае чего, первая попадет под удар. – Старик качает головой, проводя пальцами по морщинистым губам. – Я хочу, чтобы ты присмотрел за ней, пока я улажу все проблемы.

– Вы зря тратите время, мне нечем вам помочь, – равнодушно отвечаю ему и возвращаюсь на кровать.

– Время здесь тратит только один человек. Алкоголь не выход из проблем, парень.

Ухмыляюсь, качая головой. Он жизни меня учить будет?

– Почему я? – небрежно бросаю, облокотившись одной рукой о колено.

Гость тоже садится обратно в кресло, скрываясь в тени.

– Все просто, Гектор. Ты лучший в своем деле. А дочь – единственное, что у меня осталось. – О’Доннелл говорит настолько серьезно, что мне даже хочется посмеяться ему в лицо.

– И что вы мне можете предложить взамен?

– Ты вправе просить все что хочешь.

Он меня совершенно не знает.

– Все что хочу? – Кривая ухмылка растягивает мои губы. – Какие громкие слова... Смотрите не пожалейте потом о них.

– В тебе есть стержень, Гектор. Этим ты мне и нравишься.

Аластер О’Доннелл поднимается с кресла, но, прежде чем покинуть мою квартиру, кладет на угол стола визитку.

Молча провожаю его взглядом и со стоном падаю на спину, осознавая, что моя привычная жизнь вновь нарушена.

Посторонние шаги и стук трости стихают, до меня доносится глухой хлопок дверью.

Присмотреть за дочкой мафиозного папочки? Разве ты не об этом мечтал, приятель? Дерьмо. Я уже предвкушаю, как она будет переламывать мне кости своими выходками. Девяносто процентов здоровых клеток моего мозга кричат и протестуют, но другие десять тихо шепчут о том, что я не откажусь.

Что, если в спасении этой девушки кроется и мое?

Мерф

Все еще кипя от злости, я вылетаю из такси и устремляюсь внутрь дома.

Почему, черт возьми, он принял меня за шлюху?!

На ходу снимаю с себя плащ и бросаю его в сторону дивана с такой агрессией, будто он в чем-то повинен. Едва сдерживаюсь, чтобы не разразиться звонким хохотом, как инфантильная истеричка.

Мне определенно нужно слетать в отпуск. Мои нервы больше не вынесут всего дерьма, что меня окружает. Оно как бы вроде всю мою жизнь присутствует, но последние месяцы – просто сплошной ад. Думаю, Грейстоун вполне подойдет, чтобы немного расслабиться и насладиться морскими и горными пейзажами. И заодно навещу бабушку в Дублине.

Захватив из бара открытую бутылку вина, восстанавливаю порядок в голове и дефилирую в свою комнату. Закрываю за собой дверь. Скидываю ботинки, срываю блузку и брюки. Все еще заведенная, захожу в ванную. Сейчас мне плевать, услышал ли кто мой злой топот в коридоре.

доре или нет. Плевать даже на ноющую боль в теле, саднящие гематомы и ушибы. Кажется, их вообще сейчас не существует. Вместо этого кожа горит от наглых прикосновений его пальцев. Проклятье! Я готова волосы рвать, лишь бы избавиться от понимания того, что мое тело отреагировало на них.

Но как избавиться от этого, если так оно и есть?!

Никак, просто забудь, Динь.

Делаю глоток вина. С грохотом опускаю бутылку на бортик, а затем резкими движениями открываю кран на полную мощность, уже предвкушая, как пойду на дно с эксклюзивным урожаем виноградника 1990 года.

Ну вот так я устроена: не люблю оставаться в дурах. Не люблю ведь?

Звук воды, льющейся на полированный мрамор, постепенно заполняет тишину вокруг, и я, сбросив белье, сажусь в холодную ванну, не дожидаясь, пока она наберется.

В голову опять лезут, как занозы под кожу, картины с его сильными руками. Красивыми мужскими руками. В плену мощных вен, жил и гребаных татуировок. Даже в крови они были прекрасны. Интересно, на что они способны помимо того, как сворачивать жирные шеи ублюдков? Думаю, с такими пальцами и член не нужен. Поймав себя на столь непристойной мысли, я не сдерживаю смехок и обреченно ударяюсь лбом о бутылку.

О господи... Давненько меня так из-за мужика не потряхивало. А может, все дело в адреналине, который ураганным вихрем пронесся по телу, заставив гормоны дико взбунтоваться?

Мне нужно остыть.

Выругавшись, я отпиваю еще немного вина и погружаюсь под воду. А когда в легких заканчивается воздух, выныриваю и провожу руками по мокрым волосам, жадно дыша ртом. И чего я так завелась?

Вновь тянусь к бутылке и под звон неугомонных мыслей медленными глотками поглощаю гамму ягодных и бархатистых тонов, наслаждаясь каждой каплей напитка.

Ну спас и спас. Молодец. Не нужны деньги? Да пожалуйста. По всей видимости, он и не бедствует. Пришла, убедилась, что живой, и успокойся. Твоя совесть чиста. Помощь предлагали. А уж если ждал шлюху, значит, точно жить будет. Мерзавец.

Глубокий вздох, и я позволяю себе соприкоснуться с прохладной стенкой ванны. Но меня все еще раздражает, что я думаю о нем. Ну почему он так чертовски хорош собой? Настолько, что это не может быть правдой. Или просто все дело в том, что мне нужно потрахать с нормальным членом, а не резиновым? Хотя мужиков вокруг меня на любой выбор, а внутри что-то ёкнуло именно на алкаша с телом Аполлона.

Бред.

Сколько я ни стараюсь отвлечься на холодную воду, мое тело горит в агонии желания. Низ живота буквально пульсирует, и вино лишь сильнее распяляет этот огонь, оно плещется в венах, провоцирует, заставляя отчаянно хотеть большего. Дав слабинку, я проскальзываю рукой между ног и ладонью сжимаю изнывающую промежность в надежде испытать хоть толику облегчения.

Проклятье!

От напряжения даже клитор пульсирует.

Невыносимо...

– Твою мать! – срывается с моих губ рычащий стон, и я позволяю своей воспаленной фантазии сделать то, что хотел мой Робин Гуд в своем логове. Я уже ненавижу этого подонка. Но сначала я кончу с его именем на губах...

Спустя неделю

– Доброе утро, пап! – Я целую колючую щеку, которую он мне любезно подставляет, отрываясь от газеты. – Ты уже позавтракал?

Сажусь напротив.

– Где ты снова пропала прошлой ночью? – пропускает он мой вопрос мимо ушей, включая уровень «строгости папочки» на максимум.

Начинается...

– Гуляла, – спокойно отвечаю ему.

Наполняю чашку ароматным чаем, и заглядываю под серебристую крышку, где обнаруживаю глазунью с беконом.

– Мерф.

– Пап! – капризно выдыхаю и подаюсь на локтях вперед. – Я дома, и со мной все в порядке. Давай ты оставишь эту лекцию для более подходящего момента? Передай хлебную корзину, пожалуйста.

Отец качает головой и выпускает тяжелый вздох, выполняя мою просьбу, а потом принимается закладывать в «канадку» табак.

– Ты неуправляемая, Мерф. Скажи, что мне делать с идиотами, которые не справляются со своей работой?

– Не нанимать их больше. И кстати, твои неуклюжие амбалы только распугивают моих покупателей.

Я обхватываю обжигающую чашку руками и делаю глоток, наблюдая, как отец начинает раскуривать трубку.

Это его маленький утренний ритуал. Который стал неотъемлемой частью и моего утра.

Завтрак всегда был законным времяпрепровождением с отцом. И я уважала его за то, что за столько лет он ни разу не изменил своему принципу и не оставил мое утро без внимания. Не исключение и сегодня.

– Я попрошу их быть незаметнее. – Отец одаряет меня мягкой улыбкой, выпуская густую струю дыма. Лед тронулся.

– Сегодня приедут поставщики, ты помнишь?

– Разумеется. Я сам с ними встречусь. Какие планы на день?

– Никаких. Сегодня я хочу отдохнуть. Так что можешь спокойно заниматься своими делами. А я устрою себе денек женских слабостей.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, девочка, – тихо смеется отец.

– Клянусь! – Я поднимаю ладони в знак капитуляции.

Отец еще мгновение щурится и в итоге одобрительно кивает, показывая мне свое доверие. Но сегодня я и правда не желаю ничего, кроме парочки коктейлей и хорошего SPA-массажа.

Гектор

Я прохожу в подсобный кабинет, где за рабочим столом сидит Аластер О’Доннелл. Он внимательно изучает под лупой драгоценный камень, всем своим видом демонстрируя мне отчуждение. Чертов старик, набивает себе цену.

– Чтобы отличить явную подделку, не нужно быть экспертом, – хрипит он, прежде чем поднять на меня взгляд с расчетливой улыбкой. – Гребаные поставщики всегда считают себя умнее. Взгляни.

Он кивком указывает мне сесть напротив и протягивает через стол раскрытую ладонь с бриллиантом.

Нужно быть полным дебилом, чтобы рискнуть обмануть этого человека.

– Просто замечу, – говорю я, опускаясь в кресло, – что если они не в силах оценить собственную жизнь, то это были плохие эксперты.

Аластер кивает.

– Плохого не держим.

На мгновение мы замолкаем, и я беру камень, чтобы рассмотреть все его изъяны.

– Я принимаю ваше предложение, – нарушаю тишину коротким заявлением и аккуратно кладу бракованную вещь на стол.

На долю секунды бесстрастная маска исчезает с лица Аластера, но непроницаемая сталь в глазах тут же возвращается обратно.

О’Доннелл тихий и сдержанный человек, но я прекрасно знаю, что скрывается глубоко внутри. Там ярость.

– Это хорошая новость, парень.

Мы пристально смотрим друг на друга.

– Я надеюсь на твой профессионализм.

– Не переживайте, в моем бизнесе нет места ошибкам.

– Я рад, что мы это уладили. Приезжай вечером, я познакомлю вас.

Глава 7

Гектор

Я опускаю голову на подушку, пытаюсь расслабиться. Тело кажется сплошным клубком нервов. Потому что с того момента, как дал свое согласие О’Доннеллу, больше спокойствия не ощущаю.

И навряд ли смогу.

Вновь поднимаюсь и беру со стола досье нового клиента. Держа одной рукой фото девушки, второй тянусь за полупустым стаканом с виски.

– Мерф, – пробую ее имя на вкус и делаю глоток терпкой жидкости. Но не знаю, что больше обжигает: виски или золотисто-карие омуты, смотрящие мне прямо в душу.

Я видел сотни красивых девушек, но в этой есть что-то особенное. Что-то опасное. И свирепое. О да. Она прекрасна в гневе. Блядь. Это нехорошо. Очень нехорошо. Взглядом прохожусь по пухлым губам и с ухмылкой задерживаюсь на обманчиво милой ямочке на щеке.

Чертенок.

В голове всплывают смутные воспоминания той ночи. Она сопротивлялась. Несмотря на плещущийся в глазах страх, пистолет у головы и трех ублюдков, собиравшихся разделать ее как рождественскую индейку в сочельник. Девчонка боролась.

Но от этого мне не легче. Потому что я понимаю, что имею дело с бойцом.

Смотрю на наручные часы. Девять вечера, через час я должен быть на месте. С шумным вздохом бросаю на стол фото и, осушив стакан до последней капли, поднимаюсь с дивана.

Пора уже наконец познакомиться с мисс О’Доннел. После первой нашей встречи я проснулся с ножевым в больнице, после второй – с большими яйцами. Интересно, что готовит третья?

Схватив пальто, отправляюсь в подземный гараж.

А в машине мне приходит сообщение от Аластера. И мой маршрут меняется.

Через некоторое время я паркуюсь на обочине возле элитного ночного клуба в самом сердце Бостона. Внутрь захожу через специально отведенный вход, минуя всю дерзкую атмосферу разгульной жизни. Занимаю на втором этаже выгодное место для обзора и, опершись на перила, выискиваю среди толпы свою цель.

Вот она – извивается на танцполе. Дочурка О’Доннелла снова сбежала от папочки. Но, прежде чем сделать то, зачем я сюда пришел, решаю кое-что проверить, поэтому направляюсь в вип-комнату и обнаруживаю там своего пухлощекого друга.

– Гектор, твою мать! – пыхтит Философ, снимая с коленей обладательницу четвертого размера груди.

– А я смотрю, ты весь в работе.

Кивком указываю девке на выход, наблюдая, как Фил раздраженно заправляет рубашку в брюки.

– Какого хера? – Он разводит руки в стороны, провожая взглядом полуголую девицу. А затем нервно дергает головой, пальцами зачесывая небрежные кудри назад.

– Хватит прихорашиваться, пирожок, у меня здесь дело.

– Валяй. – Он откидывается назад и складывает на животе руки в замок, вдавливая друг в друга большие пальцы. – Ну, рассказывай, — требует нетерпеливо.

На самом деле Философ крайне спокойный человек, но кто любит, когда обламывают?

Я маню его к себе, после чего Фил неохотно поднимает свою задницу и приближается к панорамному окну.

– Покажу, – шепчу на ухо, приобняв за плечи, и пальцем указываю на танцпол. – Видишь девушку в красном?

– Ну и?

– Дочурка О’Доннела.

В следующую секунду щеку буквально начинает покалывать от пристального взгляда Философа.

– Только не говори мне, что ты взялся за это, – наконец раздаётся его голос.

– Почему бы и нет. – Я равнодушно пожимаю плечами.

– И чего ты ждёшь? С таким телом ей сейчас быстро найдут применение в этом клубе.

– Пусть немного порезвится девочка.

– О, смотри, как бы она на твоём члене не порезвилась.

Я свожу брови к переносице и опускаю взгляд на свою ширинку, а боковым зрением замечаю, что и Фил смотрит в ту же точку.

– Гребаный извращенец, – отталкиваю его, – какого хера ты пялишься на мой член? – рычу, поправляя каменный стояк в штанах.

– Оцениваю масштаб бедствия. Это моя работа.

– Оценивай его в своих трусах. А лучше подгони машину к черному входу. Ты только что обломал девочке веселье.

– Это называется цепная реакция. Один мудака обломал мне, а я ей, так что все честно. – Фил направляется на выход из VIP-ки.

– Фил?

Он оборачивается, и я демонстрирую ему брелок, прежде чем кинуть ключи. Философ тут же ловит их и, укоризненно покачав головой, уходит.

Вновь перевожу взгляд на танцпол и пытаюсь убедить себя в том, что способен сейчас с легкостью переключиться на любую другую, но я обманываю сам себя. Мой взгляд полностью прикован к жгучей брюнетке в красном.

Скрестив на груди руки и послав гордость куда подальше, позволяю себе исследовать все прелести сочной фигуры. Сам не знаю зачем. И не хочу знать. Внезапно ее глаза встречаются с моими. Дикая кошка. Резко выдыхаю и неосознанно подаюсь вперед, облачаясь о тонированное стекло.

Ее тело мягко двигается из стороны в сторону, пока девушка ядом проникает в кровь, лаская руками грудь, спускается ниже, неприлично оголяя часть плоского живота, а затем проходит по бедрам.

Она заставляет меня воспринимать ритм музыки через свои движения, словно разносит его по моим венам. Тонкие пальчики нарочно тянут атласную ткань топа вверх.

Блядь!

Поток жара ударяет в мой член. Сердце бьется быстрее. С каждой новой секундой я все глубже застреваю в ее ловушке. Но заставляю себя расслабиться, потому что на самом деле она не видит меня. Это я наблюдаю за ней. Это она в моей ловушке. Но в следующее мгновение топ летит в сторону, оставляя ее прекрасный верх в одном полупрозрачном лифчике, и я вижу маленькие торчащие соски.

Толпа расступается, чтобы поглазеть на нескольких пьяных девиц, устраивающих бесплатное шоу во главе с Мерф, но внезапно она отталкивает пристающую к ней рыжеволосую девку и, пошатываясь, удаляется с танцпола. А следом за ней какой-то улюдок.

Тут же устремляюсь на первый этаж. Настолько быстро, насколько мне позволяет ещё не зажившая рана. Сука! Не так-то просто протолкнуться среди дергающихся обдолбышей, потому что одной рукой мне приходится прикрывать шов.

Успеваю заметить красные брюки, прежде чем их хозяйка скрывается в коридоре. Пробиваюсь следом за ней и немного расслабляюсь, потому что рыбка плывет в нужную сторону. К черному выходу.

Приближаюсь, грубо отталкиваю от Мерф пьяного мудака и, подцепив пальцами ее локоть, помогаю переступить порог. Удивительно, но девчонка не дергается. Как в дурмане, вертит головой, явно не понимая, что происходит и где она находится. И только через несколько шагов ее потерянный взгляд останавливается на моем лице. Я вижу расширенные черные зрачки, будто на меня смотрят две планеты. Блядь, она под кайфом!

– Мне жарко... – едва слышно выдавливая она и начинает судорожно царапать пальцами шею. – Дышать... Тяжело дышать...

И тут ее глаза закатываются

Передоз.

Только этого мне не хватало.

– Эй, эй, Мерф, ты слышишь меня? – Я слегка встряхиваю ее и стараюсь говорить мягко. – Успокойся, дыши!

Крепко обхватываю растерянное лицо ладонями и глажу большими пальцами скулы, стараясь унять ее панику. Потом прислоняю девчонку к себе, достаю телефон и печатаю одной рукой сообщение Филу.

– Мерф, ты слышишь меня? – говорю с ней, чтобы она не терялась. – Ответь мне!

Нажимаю на «отправить» и убираю телефон в карман, успев вовремя подхватить ослабшее тело и усадить на деревянный ящик, валяющийся у мусорного бака.

Ее всю трясет. Черт...

Снимаю пиджак и накидываю ей на плечи.

Шумно выдохнув, запускаю пятерню в волосы и сжимаю их до того, что кожу головы начинает саднить.

Ей нужно срочно промыть желудок. Любое промедление может стоить девчонке жизни. А я уже подписал договор, и эта жизнь висит на мне. Блядство!

Где гребаный Фил?!

Пинаю бак и хочу закурить, но слышу невнятное бормотание девушки и возвращаюсь к ней.

Опускаюсь на корточки, убираю локоны с ее лица, только она отшатывается.

– Мне плохо... Тош...

Но договорить не успевает, потому что сгибается и выбрасывает содержимое желудка прямо мне на ботинки. Твою мать!

– Гек! —раздается позади голос Философа. И года не прошло. Говнюк усатый!

Сквозь поток матов я поднимаю Мерф на руки и несу к машине. И очень, очень надеюсь, что мой шов не китайский.

– Давай ее сюда. – Он раскрывает двери, и я усаживаю девчонку на заднее сиденье, после чего забираюсь следом.

– Влажные салфетки, – раздраженно бросаю Филу и убираю с ее глаз волосы, а когда мне прилетает пачка, начинаю вытирать лицо. – И какого хрена ждем? Вези к доку! – рывкаю и добавляю чуть тише: – Перед тем, как вернуть папочке, надо промыть ей желудок.

Что ж, третья встреча не разочаровала. Стабильный армагеддон рядом с ней мне обеспечен.

В итоге Мерф засыпает.

Полные губы слегка приоткрыты, и она делает слабые вдохи. Мне приходится приложить невероятные усилия, чтобы не провести параллель.

На хрен все это.

Покачив головой, я аккуратно усаживаю ее более удобно для сна, а затем и сам откидываюсь на спинку сидения.

Но уже через мгновение изо рта вырывается глухой стон.

Девчонка ударяется лицом прямо в мою ширинку и трется щекой, устраиваясь со сладким причмокиванием как на подушке.

Да ты просто счастливчик, Гектор!

– Черт! – рычу я и принимаюсь поправлять ее голову, сдвигая к коленям, а потом с усталым выдохом ударяюсь затылком о подголовник.

Но мое спокойствие длится недолго.

– Гектор...

Я лениво поднимаю взгляд к зеркалу заднего вида и замечаю в отражении две горящие фары.

– Девочку, видимо, поджидали, – говорит Фил.

Глава 8

Мерф

С трудом открыв глаза, я впадаю в прострацию, потому что совершенно не понимаю, где нахожусь.

Подрываюсь на месте и морщусь от внезапной головной боли, что прилетает подобно удару молота, когда я принимаю сидячее положение.

– Черт... – сиплю я, растирая виски, одновременно обводя испуганным взглядом мрачную комнату, в которой мне незнакомо абсолютно все.

И с каждой секундой осознания ситуации сердце стучит все быстрее, превращаясь в скаковую лошадь.

Куда ты вляпалась, Динь?..

Сбитая с толку, пытаюсь встать с постели, но тут же приземляюсь обратно. Судорожно ощупываю себя, с ужасом понимая, что из одежды на мне только мужские боксеры и футболка. Ерунда какая-то. Я не помню, как оказалась здесь и где вообще мои вещи. Мне не нравится это. Не раздумывая больше, с усилием поднимаюсь с кровати и на нетвердых ногах устремляюсь прочь. Прочь в неизвестность.

– Что за херня... – растерянно хриплю пересохшими губами и облизываю их, на ходу проводя ладонями по волосам и собирая их на макушке.

Неконтролируемая паника заставляет пульс бешено колотиться. Тело мелко дрожит, пока я шагаю по длинному коридору без окон, выхожу в просторный зал стильного лофта, где с моим появлением резко загорается свет. Как предусмотрительно.

Но я не останавливаюсь, пересекаю комнату быстрыми шагами, потому что главная моя задача – найти хозяина берлоги и свалить отсюда. Мне нужны мои вещи. В таком виде я не могу выйти на улицу.

Вот только спустя двадцать минут бесполезных поисков по многоуровневой квартире я все еще не нахожу ни единой живой души, зато, подойдя к огромному окну понимаю, что нахожусь в каком-то небоскребе.

Отлично просто!

Теперь в моей крови отчетливо плещется ярость, которая как черт с вилами колет каждую клеточку тела, грозя разорвать меня на куски.

Я чувствую себя загнанной в клетку. И это дико душит. Лишает возможности здраво мыслить. Потому, опустошенная адской лавиной безысходности, я падаю в кресло.

В голове звенит пустота... Единственное, что удается откопать в спутанной памяти, – это то, что вчера я встретила в салоне дочку одного из деловых партнеров отца, Лили Миллер. И по «чудесным обстоятельствам» у нее был день рождения. Мы далеко не лучшие подруги, но пару раз отдыхали в общих компаниях. А слышать ее нытье о том, что подружки по каким-то причинам не смогли отмечать с ней праздник, оказалось просто невыносимо. В итоге мои планы расслабиться полетели к черту, потому что я согласилась выпить с ней пару коктейлей... Вот только последнее мое воспоминание – это то, как мы пришли в клуб и начали опустошать барную карту. Дальше смутные обрывки: вспышки стробоскопа, толпа танцующих людей, мрачные коридоры и я среди них... Все. Дальше темнота. А с учетом того, что на мне сейчас мужская одежда, оторвалась я, видимо, с огоньком.

Проклятье! Больше всего на свете я ненавижу терять контроль над собой. Мысленно молюсь, чтобы полное незнание ситуации не повлекло за собой необратимые последствия.

С хлопком опускаю ладони на кожаные подлокотники и, оттолкнувшись, поднимаюсь на ноги. Хватит накручивать себя и сидеть ждать чуда. Нет, это не про меня.

Поэтому я направляюсь в гардеробную, которую нашла на втором этаже ранее. И стоит мне переступить порог, как здесь тоже автоматически загораются лампочки, позволяя осмотреться.

Вся одежда висит ровными рядами: на одной стороне пиджаки, рубашки, брюки, на другой – джинсы, спортивки, футболки и джемпера. На полу аккуратно составлена обувь: от начищенных до блеска туфель до спортивных кроссовок. Что ж, хозяин апартаментов явно следит за собой. И живет один. Только мне от этого не легче.

Срываю с вешалки джинсы и натягиваю их на себя, борясь с внутренним раздражением. Ремень затягиваю максимально туго, чтобы не свалились штаны, и так же поступаю со шнурками кроссовок, которые мне велики минимум на пять размеров. И все это время я не оставляю попытки вспомнить, как оказалась в чужой гигантской квартире и чьи, черт возьми, на мне вещи. Но то, что я цела и невредима, уже радует.

Торопливо слеую через просторные апартаменты к лифту и несколько раз нажимаю на кнопку вызова. Нервно ожидая, заламываю пальцы на руках, а когда дверцы разъезжаются, забегаю внутрь металлической коробки с панорамными зеркалами и нажимаю первый этаж. Надеюсь, что первый, потому что консоль с многочисленными кнопками меня пугает. Смотрю на себя, и внутри все переворачивается: сегодня мой внешний вид оставляет желать лучшего.

Кое-как привожу копну растрепанных волос в порядок и уже порываюсь сделать шаг, когда двери раскрываются, но, уткнувшись взглядом в стену, резко замираю.

– Какого... – глухо вырывается из груди, и в неверии я касаюсь шероховатой поверхности стены ладонями, убеждаясь, что она реальная.

Дыхание учащается, и я отшатываюсь назад, ошарашенным взглядом обводя все вокруг, а потом судорожно нажимаю несколько раз на другую кнопку. Но на следующем этаже меня ждет то же самое.

Проклятье, это шутка какая-то? Где я, черт возьми? Коварная реальность образует черную воронку, которая грозит поглотить все вокруг, в том числе и меня.

Объездив в шоковом состоянии пятнадцать этажей, в итоге возвращаюсь на единственный, где вместо голой стены попадаешь в долбаный лофт.

Господи, что за херня происходит?

Нервы буквально раскаляются от напряжения.

Догадка, что меня похитили, добавляет еще больше ужаса, запуская вдоль позвоночника ледяную дрожь. С трудом сглатываю. И любая попытка успокоиться будто нарочно оказывает абсолютно противоположный эффект, ударяя рикошетом по нервной системе.

Выхожу из лифта обратно в пентхаус, от волнения закусывая дрожащую губу, совершенно не понимая, что делать дальше.

Злость сменяется отчаянием. Я как в бреду плетусь к окну и, подойдя вплотную, обреченно ударяюсь о стекло лбом. Сотни вопросов кружат в голове, пока я рассматриваю с высоты птичьего полета ночной город. Закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать, однако мне приходится наступить себе на горло и признаться в том, что вчера я вела себя неосторожно и эгоистично.

– Я смотрю, ты освоилась.

Подпрыгиваю на месте и резко оборачиваюсь, окончательно теряя суть происходящего. Потому что все катится в бездну. Все. Даже мое сердце. Безвозвратно.

Что за...

В центре зала я замечаю стоящего во всем своем великолепии моего личного Робин Гуда. В отличие от меня, он выглядит совершенно расслабленным. Боже, ну почему этот мужчина так красив? И почему, черт подери, я об этом думаю сейчас, вместо того чтобы потребовать объяснений?

Но вопрос остается не ответченным, и мои глаза продолжают бесстыдно исследовать тело Аполлона, будто я вижу его в первый раз. Проклятье... Ему определенно следует надевать в моем присутствии побольше одежды, сейчас на нем, как назло, всего лишь спортивки, свободно сидящие на бедрах. Мой взгляд опускается к его босым ногам и медленно поднимается вверх, отмечая каждый гребаный кубик пресса. Тут же я отмечаю свежий шрам на боку, отчего в груди что-то неприятно сжимается. Напоминание о той роковой ночи. А потом замечаю и на груди рубцы, которые частично скрывают татуировки.

На нахальном лице Робин Гуда появляется кривая ухмылка, прежде чем он начинает приближаться ко мне, на ходу вытирая влажные волосы полотенцем, которое небрежно висит на его татуированных плечах. Мне кажется, он настолько хорош собой, что даже лесбиянка бы заплакала от вида этого мужского тела. Правда, поход в барбершоп ему все-таки не помешал бы.

Твою мать! А что... А что, если... Если у нас был секс?

– Все рассмотрела? – самодовольным тоном вырывает меня из ступора мистер Совершенство.

Прочищаю горло и гордо задираю подбородок, заставляя себя вернуться в реальность. Вот только рядом с ним это оказывается не так просто. Господи. Веду себя как малолетняя фанатка Тимберлейка.

Даже начать разговор не получается, язык напоминает неподвижный брикет. Особенно когда в памяти всплывает наша последняя встреча, которая приводит меня в смущение. Я не знаю, как себя вести с ним после того, как его рука уже побывала в моих трусиках, а моя коленка – между его ног.

– Тебе идет. – Он склоняет голову набок и без тени смущения проходится по мне горящим взглядом.

– Ах да... – От неловкости тру пальцами лоб, потому что он продолжает пристально смотреть на меня, мешая соображать. – Я взяла ваши вещи.

– Это я вижу.

– Мне нужно домой, а в трусах я не могу выйти на улицу... Вы не подумайте, я бы все вернула.

Он молчит, заставляя меня вновь испытать чувство неловкости. Что в принципе мне несвойственно, но в его присутствии, похоже, становится нормой. И, чтобы как-то прервать давящую тишину, я продолжаю тараторить:

– Кстати, у вас проблемы с лифтом, мне не удалось найти выход. Точнее, выход только один – в эту квартиру.

Боже, как глупо! Сначала я обматерила его и врезала между ног, а сейчас выкаю и веду себя как провинившаяся школьница.

– Тебе не нужен выход, – говорит он, резко перейдя на серьезный тон, с хищным блеском в зеленых глазах.

Так, ладно. Видимо, он не в настроении. Кстати, как его там... Гектор Форкс?

– Послушайте, я приношу свои извинения... вся эта ситуация... Мне дико некомфортно, потому что я ничего не помню...

– О, я предпочел бы тоже не помнить, – откровенно язвит засранец.

– Эм-м, простите, – нервно смеюсь, – я не понимаю, что вы имеете в виду.

– Проехали, – холодно обрывает он меня. – Ты голодна?

– Спасибо. Я бы не отказалась от стакана воды.

Он продолжает без какого-либо стеснения рассматривать мое тело, упакованное в его одежду, а когда я понимаю, что мужское внимание привлекают мои торчащие соски, тут же скрещиваю на груди руки. Вот говнюк!

– Вы можете мне вызвать такси? – спрашиваю я, стараясь вложить в голос всю свою уверенность. Хватит перед ним лужицей растекаться.

– Нет, – выбивает меня из равновесия его низкий голос. – Ты останешься здесь.

– Я не ослышалась? – переспрашиваю в полной растерянности, едва не заикаясь.

– Не ослышалась. Допрос окончен?

Так. Просто дыши, Мерф.

– Где я? – спрашиваю и стискиваю зубы, вновь возвращаясь в былое раздражение, теперь с легкостью отодвигая в сторону то, как он влияет на меня.

– Только давай без истерик, – небрежно бросает мужчина и уже собирается развернуться, чтобы уйти, но я успеваю напасть.

– Где я, мать твою! – Сокращаю до него расстояние одним шагом и толкаю в грудь. От неожиданности он оступается. – Что вообще происходит?!

Закусываю губу, замечая, как его взгляд становится жестче и как он ведет плечами, из последних сил сохраняя спокойствие.

Но я упрямо смотрю ему в глаза, отвечая на раздражение, которое ему не удалось скрыть.

– Твой отец отдал тебя на воспитание, – как ни в чем не бывало уничтожает он меня одной фразой.

– Что? – глухо выдыхаю я, но тут же срываюсь на крик: – Что за бред?! Кому он отдал?!

От услышанного даже горло перехватывает, а сердце начинает тревожно гроыхать в ушах.

– Мне, – коротко сообщает он, будто издевается.

– Тебе? – Я не сдерживаю нервного смешка. – А ты кто такой?

Да, я знаю: этот мужчина спас мне жизнь. Но то, что происходит сейчас, это уже слишком. За гранью. Он не имеет права удерживать меня.

Однако в доказательство своих намерений он делает шаг вперед, затем второй, настойчиво оттесняя меня к стене. А исходящая от него властная энергетика вынуждает подчиняться.

– Девочка, тебе стоит обо мне знать только две вещи. – Мужчина упирает руки по обе стороны от моей головы, и у меня перехватывает дыхание. – Во-первых, я люблю, когда меня слушают. И во-вторых, – он склоняется к моему уху и обдает его горячим шепотом, – я всегда получаю то, что хочу.

Слегка отстраняется, продолжая буравить меня глубокой зеленью своих глаз, и я бы с удовольствием потерялась в них. Но есть одно но. Высокомерных подонков я привыкла ставить на место. Какими бы они красавчиками не были!

Задираю подбородок, приближая свои губы провокационно близко, и его кадык заметно дергается. О да, малыш, я тоже умею играть.

Бросаю на него дразнящий взгляд из-под ресниц и касаюсь пальцем пульсирующей венки на жилистой мужской шее.

– В данный момент...

Царапая ногтем, веду вниз, вынуждая тренированные мышцы реагировать на мое прикосновение.

– ...ты можешь еще раз получить по яйцам, – проговариваю с милой улыбочкой на лице, а потом требовательно упираю ладони в его крепкую грудь в попытке оттолкнуть.

Но моя уверенность терпит поражение, когда этот мерзавец и с места не сдвигается. Напротив, кажется, он еще только сильнее вжал меня в стену.

От такой близости в нос ударяет запах геля для душа и чистой мужской кожи. Черт. От него так хорошо пахнет, что я все же немного теряюсь. Взгляд непроизвольно скользит вниз, и я снова отмечаю, какое у него великолепное тело. Ладони буквально горят, ощущая под собой рельефные мускулы, которые сейчас слишком напряжены. Господи Иисусе... Он слишком горяч.

– О чем бы ты сейчас ни думала, – Форкс подцепляет пальцами мой подбородок и заглядывает в глаза, – осторожней, девочка. У меня руки развязаны.

Его низкий, с тяжелой хрипотцой голос наполняет меня искрящей теплотой, но я прихожу в чувство, когда он отстраняется.

– Надеюсь, ты не каждому встречному так заглядываешь в рот, – хмыкает он.

Вот тебе и ответочка, Мерф. Какой же самоуверенный мерзавец!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не выцарапать ему глаза, но, когда он поворачивается, все мое внимание переключается на мускулистую спину, которая покрыта множеством искусных чернильных рисунков. Литые мышцы в движении оживляют орнамент, и мне хочется провести рукой по его смуглой коже.

– Хватит пялиться, – бросает он, не оборачиваясь. Надменный говнюк!

– Самомнения вам не занимать, мистер Форкс.

Ох, не думала, что на вкус его фамилия окажется такой приятной. И почему я раньше этого не сделала? Уймись, Мерф! Шумно выдыхаю.

– Вот за что мне все это? – Я закатываю глаза и падаю на диван, не желая принимать все происходящее всерьез.

Отец бы никогда так не поступил, не отдал бы меня малознакомому человеку. Он просто хочет преподать урок.

– Мне нужен телефон! – выкрикиваю я и грациозно закидываю ноги на кофейный столик, рассматривая стильные мужские кроссовки на них. Мне начинает нравиться чувствовать на себе его вещи. – И побыстрее!

Прикрываю веки и пытаюсь расслабиться. Нужно просто позвонить папочке, и он заберет меня домой.

– Попроси по-хорошему, – внезапно раздается надо мной глубокий голос, и, открыв глаза, я вижу в его руках стакан.

– Что? – смешок. – Может, тебе еще и отсосать?

Выхватываю стакан и делаю глоток. Просто вода.

– Можешь, – саркастичным тоном парирует он. – Думаю, мои яйца заслужили компенсацию.

Я медленно поднимаю взгляд и натываюсь на его серьезное лицо.

– Твои яйца заслужили мое колено. Будешь знать, куда пихать свои грязные ручонки.

Делаю еще один глоток и ставлю стакан на стол.

– Не переживай, я их мыл перед тобой, – звучит иронично.

Я снова возвращаюсь взглядом к стоящему надо мной мужчине.

– А после? – лукаво интересуюсь, ожидая получить очередную колкость, но вместо этого уголок его губ дергается вверх.

– Фу, да ты извращенец! – Я возмущенно скидываю ладони вверх и отворачиваюсь от него. Но он, словно нарочно, садится напротив.

– Надеюсь, на этом твое любопытство исчерпано? – Форкс откидывается на спинку дивана и кладет ногу на ногу, обхватывая рукой лодыжку и продолжая изучать меня.

– Разумеется, нет! Может, уже объяснишь мне нормально, что происходит?

– Объяснения требуй с отца.

Я вижу, что он осторожничает со мной, и это злит.

– Завтра у тебя будет такая возможность, – продолжает Форкс. – А теперь, если не хочешь есть, иди спать. Я устал от твоих расспросов.

С минуту прожигаю его пристальным взглядом и сама не понимаю, как с языка слетает:

– Мы трахались?

О господи! Серьезно, Мерф? Мои щеки напоминают пылающие факелы. Почему рядом с ним я всегда чувствую себя маленькой и глупой девчонкой?

Гектор усмехается и качает головой.

– Иди спать, девочка.

– Я хочу знать, как я здесь оказалась, что произошло и почему на мне твоя одежда? – сердито настаиваю на своем, не в силах оторвать взгляд от его лица.

– Тебе не понравится мой ответ, – почти угрожающе говорит Форкс, наивно полагая, что меня это остановит.

Делаю глубокий вдох. Что ж, пора выпускать сучку на свободу.

– Знаешь, – поднимаюсь с места и, покачивая бедрами, приближаюсь к нему, – я тоже люблю получать то, чего желаю, но если не получаю этого, – останавливаюсь, оказавшись достаточно близко к мужчине, – то могу быть очень несносной девчонкой и доставить тебе кучу проблем, – говорю нараспев, ощущая, как губы растягиваются в притворной улыбке.

На что Форкс насмешливо фыркает и приподнимает бровь, явно не воспринимая мои слова всерьез. Только он меня совсем не знает. Потому что на мужчин я оказываю не меньший эффект, чем он – на женщин. И теперь я из принципа ни за что не остановлюсь.

Ловко седлаю его колени, удовлетворенная тем, как моментально напряглось его тело.

– Ты уверен, что справишься со мной? – Я наклоняюсь чуть ближе, опуская руки на крепкие мужские бедра. О да, мой милый Робин Гуд, я флиртую с тобой.

Почему-то именно сейчас я осознаю, что мне нравится ощущать себя смелой рядом с ним.

Однако мой триумф длится недолго: через мгновение я уже оказываюсь перекинутой через подлокотник. Он не перестает меня удивлять.

– Я разочарую тебя, девочка, – полушепотом хрипит Форкс, отчего волоски на моем затылке мгновенно электризуются, и от меня не ускользает скрытое возбуждение в его голосе.

Значит, не я одна тут играю в искушение.

Но внезапный легкий шлепок выбивает ненужные мысли из головы. А трепещущее сердце болезненно совершает кульбит от неожиданной дерзости этого мужчины.

– Ч-то ты делаешь?.. – выпаливаю, задыхаясь от реакции собственного тела.

– Демонстрирую тебе, что ты не сможешь стащить с меня трусы, мисс О’Доннелл.

Его настроение меняется с такой скоростью, что у меня начинает кружиться голова. А он одной рукой фиксирует меня в положении попой кверху, а второй наносит более уверенный шлепок. Ох, твою ж мать!

– Мне не нравится доступность, Мерф, – добавляет он уже серьезным тоном и вновь обрушивает широкую ладонь на мою ягодицу. Подонок!

– Это мне говорит человек, пользующийся услугами шлю...

Новый шлепок обрывает мою речь, и, взвизгнув, я закусываю губы от жалящей боли. Он пожалеет об этом. Обещаю!

– Надеюсь, урок воспитания усвоен, и прямо сейчас ты пойдешь в постель? – его голос звучит на октаву ниже.

– Пошел ты к черту! – рычу я, тяжело дыша.

– Как скажешь.

Очередной шлепок прилетает более жестким ударом, и я зажмуриваюсь, глотая болезненный стон.

– Хочешь знать, за что рассердился твой папочка?

Я резко оказываюсь в воздухе, а через секунду приземляюсь пылающей задницей прямо на диван, но не успеваю почесать ладонь о его небритую щеку, потому что Форкс угрожающе нависает надо мной, упершись одной рукой в спинку.

– Ты упоролась наркотой и вела себя как последняя шлюха. А твои сиськи видел каждый ублюдок в клубе.

О, нет, нет, нет... Только не это...

– Спасибо должна сказать, что я прервал ваше блядское веселье. – Он небрежно отталкивается от дивана и выпрямляется во весь рост. – А потом мы все купались в твоей блевотине. Так что да, ты вытрахала меня по полной, детка.

– Господи... – Я закрываю лицо ладонями, глотая горечь позора. Но сейчас меня волнует только одно. – Мне нужно позвонить отцу, пожалуйста!

Впиваюсь в него умоляющим взглядом и даже не хочу представлять, насколько зол сейчас старший О’Доннелл.

Форкс отрицательно качает головой.

– Иди спать, Мерф. И советую больше не провоцировать меня. Ты здесь на моих условиях. Поняла?

Вот же бесчувственная козлина!

Я резко подрываюсь с дивана.

– Советую тебе не спать сегодня, потому что я раскрошу твой череп ножом для колки льда! – яростно выплевываю, глядя ему в лицо, и устремляюсь прочь.

Если он думает, что я смирюсь с наказанием, то глубоко ошибается. Я превращу его жизнь в ад. Он еще будет умолять отца забрать меня обратно. Уж я-то все для этого сделаю!

Глава 9

Мерф

Наутро просыпаюсь опустошенной, и бонусом мне достается ноющая боль в шее, потому что в кровать вчера я так не вернулась. Лежать в заведенном состоянии для меня равносильно самоубийству. И единственное, что помогло притупить ярое желание выцарапать глаза хозяину квартиры, это поиски хоть какой-то зацепки, чтобы выбраться из гребаной клетки. Поэтому, как только он уехал, я принялась за дело и до последнего бродила по абсолютно «стерильному», без какого-либо признака жизни дому, но в итоге, обессиленная, рухнула на диван и даже не помню, как отключилась.

Это провал.

Усевшись, тут же морщусь, потому что горящая задница еще раз напоминает о том, что происходит в моей жизни. А в ней происходит дерьмо. Прокручиваю в голове события вчерашней ночи, и постепенно мной овладевает возмущение и раздражение. Но сегодня я могу управлять своими эмоциями. И это радует.

Выхожу из комнаты и даже не делаю попыток найти Форкса. Правда, зайдя на кухню, понимаю, что избежать встречи с ним, к сожалению, не удастся.

– Доброе утро. Кофе? – спокойно интересуется он и манерно отпивает из чашки, всем своим видом показывая, что ничего не произошло и вчера моя задница не получила дозу пиздюлина.

Но нет, милый, я все помню.

Показываю ему средний палец и с непроницаемым лицом направляюсь к кофемашине.

– О, ты еще злишься? – почти елейно прилетает мне в спину.

Опершись ладонями о столешницу, я даю себе минуту на то, чтобы успокоиться. Вдох. Выдох.

– Дай-ка подумать. – Поворачиваюсь и принимаюсь театрально загибать пальцы. – Я заперта в каком-то небоскребе с незнакомцем, который нагло отлупил мою нежную попку. – Задумчивая пауза. – Да, я злюсь, – сообщаю невозмутимым тоном и начинаю делать себе кофе.

– Справедливо, – хмыкает он себе под нос. – Рад, что ты приняла неизбежное.

Смотрю на него через плечо, нахмутив брови.

– Разве я сказала, что приняла?

На что Форкс равнодушно пожимает плечами.

– В любом случае тебе придется это сделать, не вижу смысла все усложнять. – Он откидывается на спинку стула, медленно стуча пальцами по столешнице.

– Боже, прекрати быть таким самоуверенным!

Я беру чашку с горячим напитком и присоединяюсь к нему за барной стойкой, усаживаясь на высокий стул.

– Немного раздражает, – говорю тише и с наслаждением делаю маленький глоток.

– Ты всегда такая неблагодарная стерва? – вновь привлекает он мое внимание. – Или есть какие-то определенные дни?

Поднимаю голову и облизываю кофейную пенку с губ, отчего зеленые глаза Гектора слегка сужаются в напряжении, и я едва не попадаю в их ловушку.

– Я однажды попыталась тебя отблагодарить. – Ставлю чашку, заставляя себя на мгновение отвести от красавчика взгляд. – Напомнить, чем закончилось?

– Ничего, я не держу обид, можешь сделать это сейчас.

Нет, он издевается надо мной! Делаю глубокий вдох и вновь смотрю на него.

– Я злюсь, ты помнишь?

Этот наглец щелкает языком и, отставив чашку с недопитым кофе в сторону, опирается локтями на стойку.

– Ты ведь не собираешься облегчать мою работу? – Его голос приобретает бархатистый оттенок, что на долю секунды приводит меня в замешательство, но эта секунда остается незамеченной.

Я не отвожу от него глаз и делаю еще один глоток кофе, перед тем как съязвить:

– Надо же, какой ты догадливый.

Гектор сжимает пальцами переносицу и медленно выпускает воздух сквозь стиснутые зубы. Наслаждайся, милый. Моя внутренняя сучка к твоим услугам.

– Ну и чем займемся? – От понимания, что мое раздражение плавно перешло на него, настроение у меня немного улучшается.

– Займешься, – бросает он строгий взгляд. – Благодаря твоим ночным гулянкам я теперь разгребаю последствия. Поэтому до вечера посидишь в одиночестве. Тебе полезно.

Ну вот как ему удастся одной фразой вернуть все в свои руки?!

– Мне нужен телефон, – игнорирую его слова и закидываю ногу на ногу, ожидая очередного нравоучения.

– А мне нужно, чтобы ты была послушной. Получишь его, как только я сочту, что ты заслужила. Еще раз предупреждаю: я не буду терпеть твой характер.

За секунду мое раздражение достигает пика.

– Ты обещал, что я сегодня поговорю с отцом!

– Обещал. – Он устраивается поудобней. – Вот и постарайся, чтобы я сдержал обещание.

Внутри меня происходит маленькое землетрясение, и я из последних сил сдерживаюсь, дабы не выплеснуть кофе в его надменное лицо. Козлина!

– Допустим, я буду послушной. – Смешно. – И сколько мне придется здесь жить? И вообще, у меня даже вещей здесь нет! Или ты готов снабжать меня своими трусами?

Форкс испускает хриплый смешок.

– Привезу все необходимое. Что-то еще?

Да. Твою голову, фаршированную яблоками.

– Ты не можешь распоряжаться моей жизнью!

– Как видишь, могу. – Он резко встает и уходит, оставляя меня сбитой с толку. – В доме есть библиотека, еда в холодильнике! – выкрикивает, прежде чем я слышу звук раскрывшихся дверей лифта.

Того самого лифта, черт бы его побрал! Значит, выход все же оттуда есть.

Просидев от силы еще минут десять, я подсакиваю и бегу к лифту, наивно полагая, что что-то изменится. Но вскоре, наполненная разочарованием, возвращаюсь обратно в квартиру.

Черт. Голова опять раскалывается.

Надеюсь, в этом доме есть хотя бы анальгетик. И я намерена это выяснить. В первую очередь заглядываю в шкафчик в ванной, но кроме средств гигиены ничего там не нахожу. Затем, опустив взгляд, замечаю возле раковины сложенное махровое полотенце, а на нем розовую зубную щетку. Seriously?

Укоризненно покачав головой, я перехожу к следующей попытке поиска: прикроватные тумбочки в спальне. Таблеток там тоже нет, зато нашелся ноутбук, и, к моему удивлению, он даже не запаролен.

Окрыленная предвкушением свободы, я пытаюсь зайти в социальные сети, вот только отсутствие интернета все усложняет, и я снова прихожу в бешенство. Дерьмо! Отшвыриваю ноут на противоположный край кровати и вылетаю из комнаты, проклиная Форкса последними словами.

**

Начинаю обыскивать кухню, на автомате раскрывая шкафчики, и отмечаю про себя, что ассортимент бутылок тут не меньше, чем на полках в баре. И среди дорогой стеклотары я наконец нахожу аптечку. Аллилуйя! Беру пару таблеток обезболивающего и замечаю знакомую упаковку. Снотворное. Его отецпил после смерти моего брата, чтобы не мучили кошмары.

Правда, мне они понадобятся не для благих целей. Хотя с какой стороны посмотреть...

Я ведь должна уйти красиво? Люблю оставлять после себя неизгладимое впечатление.

Нужно только придумать, как подсунуть Форксу чертово снотворное. Приготовить ужин? Ха. Он не настолько идиот, чтобы поверить в этот спектакль. Учитывая то, что прекрасно знает о моем желании перегрызть ему глотку. Взяв несколько «сонников», я возвращаю аптечку на место.

Так, ладно, для этого будет целый день, а пока мне жизненно необходимо принять душ и воспользоваться ванильной зубной щеткой. Розовая? Он вообще в курсе, что меня тошнит от этого цвета?

Из душа я выхожу расслабленная и с более светлой головой. Возможно, это предвкушение предстоящей победы. Поэтому, пребывая в весьма неплохом настроении, я следую в гардеробную. Сбрасываю полотенце и, голышом пританцовывая под мелодию в голове, выбираю, что надеть.

Кончиками пальцев провожу по строгим пиджакам и, закусив нижнюю губу, останавливаю свой выбор на рубашках, а через мгновение уже натягиваю на себя белоснежную ткань, наслаждаясь тем, как приятно она касается моей обнаженной кожи. Вытащив из-под воротника влажные волосы, бросаю на себя оценивающий взгляд в зеркало и, удовлетворенная, спускаюсь вниз.

Мне определенно идут его вещи. И есть такое ощущение, что эти рубашки еще не знали ни одного женского тела. По крайней мере мне хочется так думать.

До обеда я провожу время в библиотеке, которая выглядит весьма необычно: книжные полки в стиле хай-тек и старинные книги, некоторые весьма потрепанные. Открываю одну из них и с удовольствием вдыхаю запах старых страниц.

На мгновение мне становится грустно, потому что в голове возникает образ отца, читающего газету с дымящейся трубкой во рту.

Интересно, завтракая в одиночестве, он вспоминает обо мне?

Так... Встряхнув головой, я стараюсь избавиться от тоскливых мыслей. Чтобы хоть немного отвлечь себя, устраиваюсь на лаконичной тахте и издеваюсь над мозгом, заставляя его вникнуть в мудрость Ницше. Я в жизни не поверю, что Форкс это прочитал. В конечном итоге и сама захопываю книгу с мучительной гримасой на лице, потому что философия не мой конек. Я больше ценитель детективов и триллеров.

Со скучающим видом плетусь к холодильнику, где нахожу множество стеклянных контейнеров, расставленных с дотошной аккуратностью. Боже, надеюсь, он не педант. Хотя все указывает на это, даже его занудство.

Я открываю контейнер, в котором обнаруживается шницель и ризотто с грибами, и, когда рот наполняется слюной, понимаю, насколько голодна. Пока еда греется в микроволновке, я не без труда нахожу среди десятков ящиков приборы и, взяв все необходимое, усаживаюсь прямо на кухонном островке.

Слопав все до последней крошки, я ополаскиваю посуду и остаток дня просто слоняюсь по дому, умирая со скуки. В итоге возвращаюсь на кухню и достаю бутылку виски. Стоит подготовить все заранее, потому что за окном уже стемнело, и хозяин апартаментов может вернуться в любую минуту.

Взяв с полки два невысоких стакана, наполняю их на треть и в одном растворяю пару таблеток снотворного. Слышу звон лифта, за которым следует шум раскрывающихся дверей, и через какое-то время в кухне появляется хмурый Гектор.

– Ты вовремя, дорогой, – не скрываю сарказма. Беру бокалы и дефилирую к нему в одной рубашке, что вынуждает его тяжело сглотнуть. – Составишь компанию? – протягиваю ему виски, сохраняя маску флиртующей кошки.

Сжав пальцами переносицу, Гектор устало выдыхает и, выхватив алкоголь из моих дрожащих рук, выпивает его всего за несколько глотков. Вау. Не думала, что все будет настолько просто. Я толком и понервничать не успела.

Он молча ставит бокал на стол и, развернувшись, уходит. А вот об этом я не подумала.

– Ты куда? – успеваю задать вопрос, прежде чем он исчезнет из кухни.

– В душ, – долетает сухой ответ.

Внезапное осознание того, что я совершенно не в курсе, когда подействует снотворное, заставляет напрячься. Не хватало, чтобы он свернул себе шею, распластавшись на дорогом кафеле.

– Подожди! – Я быстро ставлю свой бокал и пускаюсь следом. – Мне нужно поговорить с тобой.

Он резко останавливается, и я врезаюсь лицом в его спину, тут же делая пару шагов назад, растирая лоб. Он точно как гранитная стена.

Гектор нехотя поворачивается, пронизывая меня пристальным взглядом.

– У меня был плохой день, девочка, и мое настроение просто отвратительное, – проговаривает он медленно и четко. – Говорить с тобой – это последнее, чего я сейчас хочу.

И с этими словами он скрывается в коридоре. Хам.

Возвращаюсь на кухню в раздраженном, нервном состоянии и, подражая Гектору, залпом опрокидываю свой стакан с виски. Но, едва проглотив обжигающую жидкость, захожусь в кашле. Черт! Глотка буквально горит огнем, а глаза наполняются слезами. Однако такая встряска помогает немного успокоиться, и я позволяю теплу разлиться по всему телу, после чего расслабленно разваливаюсь на диване в гостиной в ожидании своего Робин Гуда.

– Проклятье – приближающийся недовольный голос Форкса вырывает меня из мыслей, а вскоре появляется и он сам, уже пошатываясь на нетвердых ногах. В одних боксерах, мать вашу!

– Тебе помочь? – Я подаюсь вперед, не в силах скрыть внутреннее волнение.

Он с трудом поднимает голову, пытаюсь сфокусировать взгляд, и я понимаю, что у меня всего пара минут, чтобы помочь ему добраться до кровати, в противном случае придется тащить.

Быстро подсакиваю с дивана и, обхватив Форкса за талию, веду его в спальню. В нос проникает приятный мятный запах геля для душа, и я очень надеюсь, что мой план не сменит направление.

Бросив уже прилично ослабшее тело на кровать, я шумно выдыхаю.

Что ж. Теперь моя очередь проводить уроки воспитания, мистер Форкс.

С этой мыслью я разрываю простыню и, скрутив лоскутки жгутом, принимаюсь фиксировать его руки у изголовья кровати.

Глава 10

Мерф

Не думала, что придется так долго ждать его пробуждения. Я уже успела почитать книгу, поесть и выспаться. А между тем раз десять поймать себя на мысли изнасиловать это идеальное тело, которое покорно лежит на кровати.

Да и как тут не поддаться искушению, когда понимаешь, что все в твоей власти. Каждая тренированная мышца, покрытая татуировкой, каждый кубик пресса, который так и хочется облизать. Рот наполняется тягучей слюной от одной только мысли провести по рельефу мужского тела языком.

Боже, Мерф, да ты извращенка.

Нет... Да. Черт подери. Да! Рядом с ним это как побочный эффект. И я очень надеюсь, что мое гребаное желание так и останется лишь плодом больного воображения.

А помимо желания еще не стоит забывать про любопытство, которое так и провоцирует стянуть с него эти чертовы боксеры. Единственную преграду, которую мой взгляд не в силах преодолеть.

Тяжелый вздох, и я поднимаюсь с кровати, начиная в нетерпении расхаживать по комнате, одновременно слушая борьбу противоречий в собственной голове.

Совесь: «Но ведь ты связала его не для этого».

Я: «Ну конечно нет!»

Мозг: «Нам нужен код от лифта».

Я: «Только код. Да».

Тело: «Только секс. Ты должна его трахнуть!»

Черт! Это невыносимо!

Надавливаю на виски и стараюсь утихомирить кричащие эмоции. Но если этот подлец не придет в себя в ближайшее время, мое тело пошлет мозг на хрен и сделает все по-своему.

Хотя, с другой стороны, он всего лишь мужчина, так почему бы мне не покрутить им в своих интересах?

«И не стыдно вам, мисс О Доннелл?» – ворчит моя забытая совесть.

Ведь связанный и с закрытыми глазами он выглядит совершенно невинным, да и к тому же беспомощным. Между бровей нет привычной угрюмой морщинки, а изо рта не вырываются колкости, которые делают этого мужчину невыносимым.

Вдобавок от меня не ускользают и следы усталости на мужском лице, причины которой кроются в алкоголе и бессонных ночах. А синяки под глазами лишь подтверждают мои догадки.

Я знаю, что он много пьет. Но зачастую алкоголь лишь повод убежать. Вот только от чего? Или кого? Сам от себя? От реальности? Или от болезненного прошлого? А возможно, отпечаток боли еще слишком свежий и бежать бесполезно. Оттуда и вытекает его хладнокровие и грубость. Мне знакомо это. Так проще.

Неожиданно для себя я сажусь на край кровати и запускаю пальцы в его взъерошенные волосы, позволяя им запутаться в золотистой копне и почувствовать ее мягкость.

Пальцы сами перемещаются на его спокойное лицо, медленно изучая острые черты и едва заметный рубец на переносице. Скользят вдоль приоткрывшихся губ, ловя на себе теплое дыхание, и обжигаются о грубую щетину.

– Ну почему мы столкнулись при таких обстоятельствах? – едва слышно произношу я, и моя рука соскальзывает на его крепкую шею.

Вроде бы такой невинный жест, но в то же время это так интимно, что от волнения у меня перехватывает дыхание.

С минуту я не свожу с него взгляда, ощущая в груди усиливающийся трепет, прежде чем поддаюсь безрассудному порыву поцеловать. И, стараясь не обращать внимание на гулко бьющееся сердце, склоняюсь и прикасаюсь к неподвижным губам своими. Осторожно. Мягко. Позволяя себе познакомиться с терпким вкусом и жесткостью спящего мужчины.

Мне хочется большего.

Нежно обхватываю его нижнюю губу, затем медленно завладеваю верхней, через мгновение сладко выпуская на свободу. Проклятье... Тяжело сглотив, я прикрываю глаза, едва не задыхаясь от нарастающего возбуждения.

Нет. Это уже слишком. Игра в одни ворота, и я забиваю сама себе.

Выпрямившись, не сдерживаю слабую улыбку, но заставляю себя больше не делать глупостей.

Интересно, разозлит ли его, когда он узнает, что я воспользовалась им в столь беспомощном положении?

Да. Меня бы разозлило. В плане контроля мы похожи.

Но поцелуй работает, и спустя долгую минуту мой спящий красавец подает первые признаки пробуждения. Я даже склоняюсь ближе, чтобы не упустить ни единой его эмоции.

Минутное помутнение вмиг вытесняет азарт, разогревающий мою кровь как маленький моторчик. И я очень надеюсь, что мистер Форкс оценит по достоинству мои методы воспитания.

– Какого... – хрипит он, приподнимая голову, но она обессиленно падает обратно на подушку, а на лице появляется мучительная гримаса.

Видимо, я немного переборщила со снотворным.

– Доброе утро, милый, – воркую над ним, ласково поглаживая пальцами по щеке.

Чувствую, как моих губ касается торжествующая ухмылка.

– Проклятье, – бормочет он, поднимая тяжелые веки.

– Как ты себя чувствуешь? – Моя улыбка становится шире.

– Паршиво. – Он с трудом сглатывает, все еще находясь в тумане снотворного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.